

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

761

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ

Территориальные различия в социальных
условиях преступности

Труды по криминологии

TARTU 1987

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 761 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ

Территориальные различия в социальных
условиях преступности

Труды по криминологии

ТАРТУ 1987

Редакционная коллегия: Л.Аувяэрт, Я.Гинтер, Р.Марусте,
Э.Раска (отв.редактор), И.Ребане
Я.Соотак

Предлагаемый сборник – второй выпуск трудов лаборатории социологии отклоняющегося поведения Тартуского государственного университета – продолжает изучение территориальных различий преступности. В нем излагаются теоретические проблемы регионального анализа антиобщественных проявлений и результаты отдельных эмпирических исследований в этой области.

Ряд статей посвящены изучению конкретных социальных процессов и явлений (в частности демографического поведения, распределения и перераспределения рабочей силы, формирования общественного мнения о праве), имеющих немалое влияние на определение качества социального пространства, непосредственного детерминанта состояния преступности в регионе. Поэтому приведенные в этих статьях данные, характеризующие социальные условия преступности, хотя и не связаны на эмпирическом уровне с данными преступности, тем не менее дают определенное представление о социальных и экономических предпосылках ее. Взаимосвязи указанных сфер жизни общества с различными характеристиками преступности будут рассмотрены в последующих сборниках лаборатории.

Эмпирической базой изучения территориальных различий структуры преступности в ЭССР послужили данные уголовной статистики МВД СССР. Группы преступлений, которые мы учитываем отдельными элементами структуры преступности, соответствуют формам представления данных, принятым в вычислительном центре МВД ЭССР и поэтому не отвечают традиционным уголовно-правовым принципам структурирования преступности.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И АНТИОБЩЕСТ- ВЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Спиридонов Л.И.

Урок правды, данный XXVII съездом КПСС реалистический подход к уяснению проблем общественной жизни как принцип партийной оценки социальных процессов предполагают изучение не только прогрессивных сторон социалистической действительности, но и тех, которые препятствуют нормальному развитию и должны преодолеваться. "Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее, а полуправда, стыдливо обходящая острые углы, тормозит выработку реальной политики, мешает нашему движению вперед"^I, — говорил М.С. Горбачев делегатам съезда. Исторический этап, достигнутый сегодня нашим обществом, не дает возможности целиком избавиться от недисциплинированности, нарушений норм нравственности и правил социалистического общежития, правонарушений и, даже преступлений. Социализм на сегодняшней стадии его развития — еще не коммунизм. Он не только сохраняет, но отчасти и воспроизводит пока многое из того, что не соответствует сущности новой социально-экономической формации.

С антиобщественными проявлениями борются двояким образом. Во-первых, путем выявления по возможности всех случаев нарушений социальных норм, устранения вредных последствий и применения к виновным воспитательных и карательных мер. Во-вторых, путем ликвидации самих причин антиобщественных проявлений, в принципе не допуская совершения социально вредных поступков. Оба этих способа применялись на всем протяжении истории Советского государства. Различным было только их соотношение. В первые годы социалистического строительства когда страна располагала лишь ограниченными ресурсами для воздействия на общественные процессы,

---

^I Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986, с. 23

преимущество отдавалось непосредственному воздействию на нарушителей социальных норм. Сегодня центр тяжести борьбы с антисоциальными проявлениями постепенно переносится на устранение причин, их порождающих. Ядром работы по укреплению общественного порядка становится социальная профилактика как составная часть процесса совершенствования зрелого социалистического общества.

Организация профилактики предполагает знание причинного комплекса антиобщественных проявлений, на который должны воздействовать органы социального управления для предотвращения нарушений установленных обществом норм. Сложный характер этого причинного комплекса делает особенно важной четкость методологических основ его исследования. Теоретической базой информационного обеспечения профилактической деятельности Советского государства должна стать концепция ускорения экономического и социального развития социализма — обобщение опыта и коллективной мысли партии на базе фундаментальных трудов основоположников марксизма-ленинизма. Поскольку в методологическом отношении сердцевину концепции развитого социализма составляет материалистическая диалектика, ее основные принципы должны быть исходными и при изучении антиобщественных явлений. При этом в центре внимания прежде всего оказывается ленинский закон единства и борьбы противоположностей как суть и ядро диалектики.² Применительно к объяснению возникновения нарушений социальных норм ленинский закон означает, что их конечный источник противоречия общественного развития. Они определяют как отдельные антиобщественные поступки, так и всю их массу, образующую социальное явление.

Говоря о преступлении, выступающем крайней формой нарушений социальных норм, основоположники марксизма определяли его как борьбу изолированного индивида против господствующих отношений³. Зафиксированные ими свойства в той или иной степени присущи любому антиобщественному поступку. Опираясь на это определение, можно утверждать, что степень обособления человека в обществе влияет на

---

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 323

его отношение к общественному порядку и закрепляющим его социальные нормы, включая правовые. Если предположить существование полностью обобществленного, социализированного индивида, то его деятельность и интересы целиком совпадут с деятельностью и интересами коллектива, и оснований для противопоставления личного общественному не возникает и в принципе возникнуть не может. Вот почему автономное существование личности образует предпосылку нарушений социальных норм, в чем бы оно ни выражалось — в элементарной недисциплинированности или безнравственных поступках, правонарушениях или преступлениях, в пьянстве или попытках уйти от выполнения общественных обязанностей каким-либо иным способом.

В условиях капиталистического отчуждения личности от общественных основ существования человека эта изоляция достигает предела, что, в частности, и выражается в доселе невиданном уровне антиобщественных проявлений. При социализме, предполагающем коллективную собственность на средства производства и личное трудовое участие в народном хозяйстве как неперемнное условие членства в обществе, подобных противоречий, как правило, не возникает. Но и в нем ряд объективных и субъективных факторов создает предпосылки для относительного обособления человека в экономической сфере. Так, поскольку действует принцип распределения по труду, большую часть своих материальных потребностей индивид удовлетворяет помимо общественных фондов потребления. Более того, у него, кроме заработной платы могут быть и дополнительные трудовые источники дохода (случайные приработки, работа на личном приусадебном участке, в садоводстве и т.д.). Наконец, у него могут появиться доходы нелегальные (присвоение естественной убыли в торговле, хищения, кражи, взяточничество и т.д.).

Особую роль играют здесь институт наследования и личные накопления, которые в определенных случаях могут создавать предпосылки для автономизации человека в области хозяйства и для иллюзии полной независимости человека от общества

Эти процессы, естественно, так или иначе отражаются в духовной сфере. На уровне индивидуального сознания вследствие того, что действительная связь человека с социалистическим обществом и ее эквивалентный характер объективно усложнены и не всегда легко просматриваются индивидом, он

может не осознавать зависимость своего материального положения от размера вклада в совокупный труд общенародного коллектива. У него может возникнуть ложное представление, будто он, зависит от людей, непосредственно его окружающих, не зависит от общества. В этом случае общественные интересы и социальные нормы, которые их охраняют, представляются ему частично или полностью не совпадающими с его интересами, а стало быть, и с теми принципами социального поведения, которым он должен следовать. В свою очередь, поскольку обыденный уровень общественного сознания является своеобразным синтезом индивидуальных идей, представлений, верований, заблуждений, поскольку и там существуют предпосылки для сохранения взглядов на автономное бытие человека в обществе как на нечто естественное и неизбежное. Более того, если они подтверждаются "фактами" лучшей материальной обеспеченности отдельных личностей за рубежом, возникают теории "доказывающие, будто изолированность личности в максимальной мере соответствует "природе человека". В конечном счете эти взгляды ведут к прямому противопоставлению социализма капитализму, а иногда и иным формам общественного устройства, (например, феодализму как это имеет место в клерикально-реакционной проповеди А.И.Солженицына). Не случайно идеология индивидуализма — один из источников антикоммунизма.

Устойчивость подобных взглядов приводит к тому, что в общественном сознании до сих пор не изжиты такие образцы поведения, модели образа жизни, системы жизненных ценностей, которые, соответствуя принципам индивидуализма, противостоят социалистическим нормам коллективной жизни.

Сказанное не означает, что искоренение нарушений социальных норм возможно лишь при условии полного поглощения личности, нивелирования индивидов, обязательного установления того, что К.Маркс называл грубым, казарменным "немыслимым коммунизмом"⁴.

Отмеченная основоположниками марксизма-ленинизма изоляция индивида в обществе — лишь предпосылка антиобщественного поведения, возможность которого осуществляется только при определенных социальных условиях. Они-то и образуют причины нарушений социальных норм.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. II4-II6.

Когда говорят о частном случае антиобщественных проявлений — правонарушениях, то обычно в качестве их главной причины называют противоречие между потребностями индивида и легальными возможностями их удовлетворения. В целом это так, хотя указание на легальный (то есть законный, разрешенный правом) характер возможностей удовлетворения индивидуальных потребностей может создать ложное впечатление, будто правонарушение порождается правом. Стоит, дескать, изменить закон и разрешить людям удовлетворять потребности способом, запрещенным ранее, и общественно опасное деяние тотчас же перестанет быть таковым. Реальная проблема значительно сложнее. Замена принципа распределения "каждому по труду" принципом "каждому по потребностям" достигается, например, самоотверженным трудом всего советского народа. Правовое его закрепление, которое действительно совпадает во времени с полным исчезновением правонарушений, могло бы последовать лишь после создания материально-технической базы коммунизма и превращения социалистических отношений в коммунистические. Но тогда принципы коллективного бытия людей вообще не потребуют юридического оформления. Следовательно, речь должна идти лишь о противоречиях между индивидуальными потребностями и теми средствами их удовлетворения, которые предоставляет исторически определенное общество. Однако и в уточненном виде эта формула слишком абстрактна, чтобы объяснить существо вещей.

Потребности индивида и наличные средства их удовлетворения — не отвлеченные понятия, а конкретно исторические категории. Коллективные формы бытия людей обуславливают, что оценка индивидом того, что он в обществе, что у него есть и чего ему не хватает, происходит через сравнение с тем, кем является в том же обществе другой, чем этот другой обладает и к чему стремится. "Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижинки," — писал К. Маркс и заключил: "Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения"⁵.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 446.

Этот "механизм" формирования общественных потребностей индивида, общий для всех социально-экономических формаций, взаимодействует, однако с совершенно неодинаковыми в различных формациях способами их удовлетворения. В обществах, основанных на частной собственности, противоречие между социально обусловленными потребностями людей и исторически данными средствами их удовлетворения, как правило, приобретает антагонистическую форму. Его антагонизм выражается в том, что общественная мерка потребностей — потребности господствующего класса, и тот, кто доминирует в экономике, определяет политику и задает тон в области культуры, в сферах быта и потребления. Образ жизни стоящих у власти — пример для подражания всех остальных классов и социальных групп. И если бы сформировавшемуся таким образом идеалу образа жизни соответствовали бы экономические, политические, культурные и социально-бытовые возможности следовать установившимся образцам, у отдельных индивидов не было бы социальных оснований вести борьбу против такого порядка общественных отношений. Он удовлетворял бы всех, и преступность, следовательно, была бы лишена социальной базы. Но в том-то и заключается самая суть классово-антагонистического общества, что образ жизни рабовладельца, синьора и буржуа ни экономически, ни политически недоступен соответственно ни рабу, ни крепостному, ни пролетарию. Различное положение классов в производстве определяет их общественное неравенство во всех остальных сферах жизни, в том числе в сферах культуры, быта и потребления. Явная несправедливость этого порядка и образует коренную причину того, что отдельные индивиды посягают на него, нарушая социальные нормы. То, что общество официально запрещает социально опасные действия, угрожая санкцией за их совершение, далеко не во всех случаях предотвращает дезорганизующие поступки. Человек, протестующий против несправедливого порядка общественных отношений, осознанно или неосознанно протестует и против возможности применения к нему наказания. Как показывает исторический опыт, очень часто бессильной оказывается и угроза применения даже уголовно-правовых санкций — наиболее суровой формы юридического воздействия.

После сказанного не требует подробных объяснений резкое возрастание числа правонарушений и других

антиобщественных проявлений в буржуазной социально-экономической формации. Жалкие хижинки и роскошные дворцы все чаще соседствуют друг с другом. Число недовольных постоянно растет. Они-то до той поры, пока их индивидуальное сознание не поднимается до уровня понимания исторической миссии своего класса, и составляет социальную базу всех форм протеста изолированного индивида против господствующих отношений. Тот факт, что капитализм, усугубляя экономическое неравенство, провозглашает при этом полное формально-юридическое равенство, обостряет противоречие до предела.

Социализм в корне меняет социальные условия жизни людей. Но поскольку положение индивида в социалистическом обществе основано на эквивалентном характере отношений между индивидом и общенародным коллективом, между индивидом и предприятием, учреждением или колхозом, между хозрасчетными трудовыми коллективами и т.д., оно еще не устраняет возможность антиобщественного или даже преступного поведения. В частности, принцип эквивалентности, предполагающий существование товарных отношений, делает необходимым денежное обращение. Торговля же в силу специфики своих функций всегда будет принимать от покупателя деньги, не интересуясь их происхождением. Таким образом, "налицо оказывается возможность и мотив, с одной стороны, для образования сокровищ, с другой — для возникновения задолженности"⁶.

Конечно социализм уничтожил долговые ямы, ликвидировал ростовщиков и устранил все прочие общественные причины, которые могли бы существенно повлиять на социальную однородность населения. Но он не в состоянии в сфере распределения в каждом отдельном случае проконтролировать источник индивидуальных доходов. Им может быть не только труд на государственном предприятии, но и работа на личном приусадебном участке. Более того, продавец примет и деньги, полученные в результате корыстных злоупотреблений, ибо вор и честный человек, равно как краденые и трудовые денежные знаки, внешне ничем не отличаются друг от друга. Тем самым до сих пор сохраняются объективные предпосылки зарождения у отдельных лиц мотивов совершить преступление против государственной, общественной или личной собственности.

Существование товарного производства обуславливает и ряд специфических способов, которыми могут совершаться

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 315.

преступления. Так, наличие денежного обращения не только позволяет аккумулировать крупные ценности в предметах не-большого объема, что естественно облегчает кражи, но и делает возможным такие способы хищения, как подделка банковских и бухгалтерских документов; фальшивомонетничество; приписки в отчетах о выполнении государственных плановых заданий, влекущие за собой незаконные выплаты премий; изготовление так называемой "левой" продукции; спекуляцию; мошенничество и т.д.

Возводя труд в масштаб оценки социальной ценности человека, социалистическая мера общественного положения людей в корне меняет основания их активности. В той степени, в какой общенародная собственность на средства производства превращает прибавочное рабочее время в источник всеобщего богатства, неотчуждаемого от непосредственных производителей, труд сверх и вне установленных норм постепенно становится правилом не только из-за его одобрения обществом, но и как средство удовлетворения индивидуальных потребностей через коллективные фонды. Личная активность претерпевает таким образом существенную метаморфозу. Она превращается в непосредственно-общественную. Это модифицирует отношение к социальным нормам, закрепляющим установленные порядки. Индивид побуждается социальными условиями не нарушать социальные запреты, а выходить за пределы средненормативных трудовых заданий, стереотипных способов их выполнения и т.д. Более того, именно такое "нарушение" постепенно становится правилом, воплощающимся, в частности, в принципах социалистического соревнования. При подобных социальных условиях у индивида в общем не должно появляться объективных оснований для борьбы против общественного порядка.

То же, что в ряде случаев такие основания все-таки появляются, объясняется тем, что отношения непосредственной коллективности (например связи между общественным богатством и личными доходами граждан) не всегда прозрачно ясны всем членам социалистического общества. Реально индивид имеет дело не с обществом как таковым, а с конкретным трудовым коллективом (бригадой), труд которого вливается в совокупный труд советского народа непосредственно, а как частица труда цеха, предприятия или колхоза, производственного объединения или треста, главного

управления, отрасли и т.д. Опосредствованный характер связей отдельного человека с обществом и обуславливает возможность возникновения у него представлений, будто его интересы могут не совпадать с интересами общенародного коллектива.

К тому же существующая анонимность (особенно в городах) делает для окружающих неизвестным источник доходов того или иного лица. Это может создать ложное впечатление, будто материальное, культурное, бытовое и т.д. неравенство является не следствием различий в количестве и качестве трудового вклада людей в народное хозяйство, а результатом иных общественных причин, якобы коренящихся в самой сущности социализма. В итоге, если видимость принимается за сущность, может быть поколеблено отношение к социалистическим общественным порядкам как к наиболее справедливым и обеспечивающим всем гражданам равные социальные возможности, а стало быть, утрачено уважение и к запрещающим и регулирующим эти порядки социальным нормам. Более того, в отдельных случаях, когда источник материальных или иных благ незаконен, несправедливость и в самом деле имеет место, и неуважительное отношение к общественным порядкам может укрепиться. Преступление, "блат", возможность получить "выгодную должность", устроить сына или дочь в институт или достать дефицитные товары "по знакомству" опасны не только сами по себе, но и по своему развращающему действию на окружающих. Таким образом социализм не устраняет полностью абстрактной возможности и для возникновения субъективных предпосылок нарушения социальных норм отдельными членами общества. Если иметь в виду преступления, то осознанная или лишь ощущаемая несправедливость, конкретизируясь, может в глазах правонарушителя персонифицироваться в отдельных людях, воплотиться в вещах (имущественные и бытовые преступления), в порядке управления, и в редчайших для зрелого социализма случаях политических преступлений — в самих принципах социализма как таковых.

Тем не менее то, что в конечном счете интересы общества как целого, отдельного коллектива и личности при социализме совпадают, является объективной предпосылкой для сокращения, а затем и полной ликвидации антиобщественных проявлений в нашей стране.

Сказанное позволяет наметить и магистральную линию управления общественным процессом формирования отношения

населения к социальным нормам как к объективно обоснованным и идеологически непререкаемым требованиям социалистического общества. Это — совершенствование общественных отношений в направлении согласования и обеспечения совпадения потребностей и интересов общества, коллектива и личности. Это — воспитание людей с тем, чтобы единство личного, коллективного и общественного стало осознанным фактом. Плановый характер социалистического строительства делает решение таких задач вполне реальным.

Органам социалистического управления хорошо известно, что недостаточно быть осведомленным об одних только абстрактных предпосылках изоляции индивида и общих условиях, способствующих покушения изолированной личности на господствующий порядок общественных отношений.

Управление профилактикой антиобщественных проявлений предполагает наличие формации о конкретных причинах нарушений социальных норм, в первую очередь, о тех противоречиях, которые их порождают. Такая информация может быть получена при анализе социальной обусловленности антиобщественных поступков, который должен начинаться с основного производственного отношения данной общественно-экономической формации, ибо, по словам К.Маркса, "каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это — то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которые модифицируют их в их особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется." И поскольку производственное отношение есть прежде всего отношение между классами, постольку социально-классовая структура есть его социальное выражение. Она-то и образует источник того освещения, которое придает специфическую историческую окраску всему, что попадает под его лучи, и которое определяет все социальные свойства индивидов.

Люди, указывали основоположники марксизма, "находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем

---

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 43.

и их личную судьбу, подчиняет их себе" ⁸

Не личностные свойства индивидов, если даже они статистически обобщены, определяют специфику общественных классов, а наоборот, место класса в структуре общества обуславливает социальные свойства людей. В этом смысле все личностные качества человека суть лишь функции занимаемых ими социальных позиций. Общество определяет социальную природу индивида, предоставляя ему исторически определенные места в различных сферах общественной жизни, образующие в своей совокупности после его социальных возможностей. Вот почему с социологической точки зрения, изучать человека значит изучать занимаемые им социальные позиции. Вот почему социальное противоречие, если его рассматривать в статике, выражается в противоречиях между социальными позициями. Вот почему общественные институты, входящие в механизм социальной обусловленности поведения людей, должны быть прежде всего представлены в виде систем (комплексов) социальных позиций.

Если следовать общему направлению расчленения предмета исследования, то в исходном пункте — в производственном отношении, социальное содержание которого образует социально-классовая структура, — должно быть отражено прежде всего его экономическое содержание — форма собственности и ее обратная сторона — общественное разделение труда. Эти институты определяют численный состав общественных классов и социальных групп и пропорции распределения индивидов по отраслям хозяйства.

В соответствии со своим социально-классовым положением индивиды далее распределяются по социальным позициям в производстве, система которых предстает перед исследователем в виде профессионально-квалификационной структуры рабочих мест (само собой разумеется, что в несословном обществе распределение индивидов по социальным позициям подчиняется лишь вероятностным законам и фатально ничем не предопределено. Такого рода исключения, как мобилизация в армию и т.п., лишь уточняют, но не устраняют вероятностной природы социальных перемещений людей в обществе с открытой социальной структурой). Для марксиста решающая роль производства в становлении и

формировании личности очевидна: именно она задает меру развития человека, обуславливая в конечном счете уровень его материальных возможностей, уровень культуры, необходимого общего и специального образования и т.д.

Социально-классовое положение индивида, опосредствованное его местом в производстве, обуславливает и его социальные позиции в сфере политики, равно как и его политическую активность.

Все перечисленные социальные институты в их взаимодействии определяют соответствующие позиции индивидов в сфере культуры, быта и потребления.

Различия в объективном положении классов и социальных групп в производстве, в политике, в сфере быта, культуры и потребления образуют почву для различий в потребностях, в степени обеспеченности средствами их удовлетворения и, следовательно, в интересах.

Особенности общественной судьбы индивидов, определяемой теми социальными позициями, которые они занимают и занимали на протяжении своей жизни, в сочетании с природой интеллектуальной и физической одаренности человека образуют предпосылку для индивидуальности, без включения которой в анализ невозможно объяснить ни одного конкретного поступка.

Опыт, накопленный советской наукой, свидетельствует о том, что ни один из названных социальных факторов, как бы тесно он ни коррелировал с нарушениями социальных норм, сам по себе антиобщественных поступков не порождает. Более того, явления, которые мы склонны называть их причинами, чаще всего способны играть не только роль обстоятельств, способствующих посягательствам на общественный порядок, но одновременно и обстоятельств, им препятствующих. Материальная нужда, например, может не только толкнуть на кражу, но и побудить к трудовой активности; "безотцовщина" может способствовать и тому, что подросток сбивается с пути, и тому, что он, борясь с трудностями, формируется как более устойчивая личность, и т.п.

При таких условиях напрашивается предположение, что выявленная корреляционная связь между антиобщественными проявлениями и каким-либо одним социально-экономическим фактором — только симптом гораздо более сложных социальных процессов и что по существу речь должна идти

о нарушении социальной нормы как об интегративном эффекте действия многих, если не всех перемен составляющих данный социальный организм. Более того, накопленные советской наукой сведения, позволяют сформулировать и ряд гипотез о характере связей порождающих нарушения факторов в процессе их взаимодействия, а стало быть, в процессе порождения ими антиобщественных явлений. Так, установлены парные связи коэффициентов преступности с уровнем урбанизации, промышленного развития, миграции и т.д. Сами эти процессы не являются ни криминогенными, ни антикриминогенными. Они не образуют никаких новых социальных явлений. Однако во всех перечисленных случаях, как правило, резко меняется интенсивность отдельных переменных (например, в ходе интенсивного промышленного строительства в сельской местности очень быстро растет уровень заработной платы бывших деревенских жителей, расширяются возможности социальных перемещений, увеличивается число и разнообразие межличностных контактов и т.д.). Между тем другие и при этом очень многие социальные переменные этими процессами не затрагиваются (например, пол и возраст населения находятся вне непосредственного влияния промышленного развития, а такие его характеристики, как уровень общего и специального образования, тип и уровень культуры и т.д. меняются под его воздействием крайне медленно). В результате в системе переменных, образующих социальный организм, нарушается естественно сложившееся соотношение между ними, появляются взаимные несоответствия, дисгармония. Логично предположить, что возникающие таким образом противоречия и вызывают рост преступности.

Социальные последствия такого рода диспропорций выражаются в том, что число и качество социальных позиций, которые могут занять люди в одной области общественной жизни (например, в производстве), перестают корреспондировать с числом и качеством социальных позиций, которые они могут занять в другой области (например, в сфере культуры, быта и потребления), тогда как между социальными позициями всех сфер должно существовать определенное соответствие.

То обстоятельство, что социализм является лишь первой фазой коммунизма и потому коммунистическое проявляется сегодня в социалистической форме, предопределяет возможность возникновения трех видов противоречий.

а) Общекоммунистическая форма присвоения, основанная на общенародной собственности на средства производства, существует сегодня в условиях социально-неоднородного (в социалистическом смысле слова) общества и, следовательно, осуществляется как присвоение различных общественных классов и социальных групп, занимающих неодинаковые места в производстве, а стало быть, в политике, распределении, культуре и т.д.

б) Общественная собственность, предполагающая ведение производства на общественный счет, реализуется сегодня как деятельность предприятий — экономически обособленных звеньев социалистического производства.

в) Общественное присвоение результатов производства эмпирически реализуется в личном присвоении в соответствии с социалистическим принципом распределения по труду.

Это обуславливает возможность, во-первых, несовпадения интересов по отдельным вопросам экономической, культурной и т.п. жизни между обществом в целом и составляющими его классами и социальными группами, а также между классами и социальными группами; во-вторых, противоречия между обществом и отдельным производственным коллективом, а также между отдельными производственными коллективами; в-третьих, противоречия между индивидом и обществом, а также между индивидом и отдельным производственным коллективом. Конечно, при социализме каждое из них имеет неантагонистический характер и не кончается "гибелью" одной из его сторон. Вместе с тем сегодняшнее состояние науки (теории) позволяет предположить существование связи этих противоречий с числом антиобщественных проявлений.

Социальная неоднородность, несовпадение интересов общества с одной стороны, и составляющих его классов и социальных групп — с другой, наконец, различия интересов классов и социальных групп делают возможным неодинаковое отношение к уголовно-правовому запрету различных социальных слоев. Если связь уровня жизни той или иной социальной группы со степенью ее участия в совокупном труде общества прямо не просматривается, то общественный порядок, который не исключает такого рода социального неравенства, может казаться несправедливым. Последнее обстоятельство, в свою очередь, порождает возможность формирования у отдельных членов групп, считающих себя угнетенными, нигилистического отношения к праву, закрепляющему и охраня-

чему подобный социальный строй.

Противоречия, которые возникают между обществом и производственным коллективом, могут влечь за собой совершение таких преступлений, как приписки в отчетах о выполнении планов, многочисленные должностные и хозяйственные преступления; преступления, предметом которых является природа, и т.д.

О возможностях несовпадения между интересами личности и общества и его значении для формирования отношения индивида к социальным нормам уже говорилось.

Итак, с точки зрения марксистско-ленинской теории, антиобщественные проявления — результат социальных противоречий, так что вся совокупность социальных фактов, образующая причинный комплекс нарушаемости норм, представляет собой выражение дисгармонии в общественном развитии, следствие десинхронизации изменений в экономике, политике, в сфере культуры, быта и потребления. Искоренение всех видов антиобщественных проявлений может быть лишь следствием совершенствования общественных отношений как базисного, так и надстроечного порядка. Вот почему задача состоит не только в том, чтобы всемерно совершенствовать воспитательную работу и борьбу правоохранительных органов с преступлениями и правонарушениями, но и в том, чтобы организовать профилактику в широком смысле слова, используя эффекты всех социально-экономических преобразований, проводящихся в стране на основе партийных решений. Вот почему теория социальной профилактики должна стать составной частью концепции ускорения экономического и социального развития социализма. Возможность использования в борьбе с антиобщественными проявлениями такой апробированной организационной формы, как социальное планирование, позволит включить профилактику в управленческую деятельность общества, направленную на дальнейшее совершенствование социалистических общественных отношений.

**ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**
**/К вопросу об обосновании территориального подхода
к изучению преступности/
Раска Э.Э.**

В советской криминологии преступность определяется как социальное явление. Тем не менее нельзя не заметить, что во многочисленных определениях понятия преступности социальность как ведущий ее признак скорее декларируется, нежели раскрывается по существу. Сами по себе утверждения, что преступность относится к числу социальных, а не биологических, космических и т.п. явлений, мало что говорит о ее природе. Между тем очевидно, что именно от того, как мы решаем проблему социальной природы преступности, зависит решение других, менее общих проблем теории криминологии и практики борьбы с преступностью.

Как известно, при определении понятия преступности большинство советских криминологов идет от единичного, то есть — от преступления. Это вполне понятно, так как преступление представляет собой непосредственное, наиболее доступное эмпирическому наблюдению проявление преступности. Однако как таковое преступление выступает перед нами лишь как поведенческий акт. В этом смысле для наблюдения и фиксации нам дана только его внешняя форма, а не содержание. Поэтому было бы закономерно ожидать, что криминологи, исходящие в анализе природы преступности из преступления, не ограничились его формально-юридическим определением, а попытались бы взглянуть за ширму такого определения, раскрыть социальную природу самого преступления.

Однако многие криминологи до сих пор рассматривают преступление как действие, преступное по своей сути. Подобная концепция "естественного преступления"¹ диктует криминологам не только логику исследования причинного механизма преступного поведения, но и специфическое понимание природы преступности.

Что касается механизма преступного поведения, то здесь выделяются, как правило, две группы взаимодействующих признаков, образующих причину преступного деяния: а/ особен-

¹ См.: Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика /Отв.ред. академик В.Н.Кудрявцев/. М.:Наука, 1985 с.229 и сл.

ности личности субъекта и б/ конкретная жизненная ситуация. Но в силу того, что и личность, и ситуация рассматриваются абстрактно, волей-неволей получается противопоставление одной абстракции /личности/ другой /ситуации/. Так как в результате получается столь же абстрактное /преступное по своей сути/ преступление, то логично заключить, что истоки преступления должны лежать либо в преступных качествах субъекта, либо в особенностях ситуации. В контексте подобной схемы представляется естественным предположить, что в обществе существует определенный контингент "плохих" людей, "злодеев", которые благодаря тому, что они преступны по своей натуре, противопоставляют себя интересам нормальных, "хороших" людей общества в целом и олицетворяют такое противопоставление в виде преступных деяний². Даже в тех случаях, когда преступление совершается под давлением особой ситуации, следует подразумевать определенную порочность субъекта, так как он проявил неспособность отвергнуть негативное влияние среды.

Руководствуясь подобной логикой, нельзя не прийти к выводу, что природа преступления наиболее полно выражается именно в правовой процедуре разделения человеческих действий на преступные и не преступные. Действительно, правовая оценка деяния — социальный по содержанию акт. Но поскольку это так, постольку социальным должно быть и преступление. Чтобы подчеркнуть правовую природу социальности преступления, стало привычной отмечать преступление как явление не просто социальное, а и социально-правовое³.

Специфика понимания природы преступления навязывает криминологам и соответствующее понимание преступности. Последняя рассматривается как совокупность преступлений, как многократно взятое преступление, сущность которого якобы раскрывается в рамках природы отдельных преступлений. При таком условии предполагается, что социальность преступности выражается главным образом в ее уголовно правовом характере.

² См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979, с. 81; Яковлев А.М. Цит. соч., с. 81 и сл.

³ См., например,: Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М.: Правовая литература, 1985, с. 138

Кроме того, в отличие от преступления преступность как статистическая совокупность обладает и такими характеристиками, как массовость, иррегулярность и т.д., которые рассматриваются в качестве дополнительных признаков ее социальной природы.

Сведение социальной природы преступности к уголовно - правовым и статистическим характеристикам служило криминологам основой для того, чтобы придерживаться иллюзорной идеи о возможности исследования и объяснения преступности в самой себе, в отрыве от функционирования и развития общественных систем. Практически эта идея привела к изучению статистически усредненных типов личности преступника в статистически типичных ситуациях совершения преступлений. При этом усилия сосредоточивались на том, чтобы выявить специфически криминогенные, преступные качества как субъекта преступления, так и внешней среды ⁴.

В результате широкого развертывания подобных исследований был накоплен огромный эмпирический материал, характеризующий лиц, совершивших различного рода преступления, и условий микросреды, непосредственно влияющих на человека не только в критических ситуациях совершения преступления, но и в более общем плане, в качестве факторов, формирующих личность преступника. Было выявлено множество статистических взаимоотношений между преступным поведением, с одной стороны, и характеристиками личности и среды - с другой. Однако все это подтвердило лишь то, что реальный механизм преступного поведения не укладывается в рамки исходной схемы. Выяснилось, что ни в личности, ни во внешней среде нет обособленных однозначно криминогенных признаков. Именно материалы проведенных криминологических исследований позволяют сейчас утверждать, что преступник - это чаще всего обыкновенный человек со свойственными всей популяции недостатками и достоинствами. Как таковой, преступник формируется среди нас, то есть в типичных для нашего общества условиях, которые, как известно, порождают не только и не столько преступников, сколько законопослушных тружеников. Попытки выделить в этих условиях особую, собственно криминогенную среду представляются весьма сомнительными и безуспешными.

Более того, если даже предположить, что действительно

---

⁴ См., например, : Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М.: Приздат, 1970, с. 171

удается найти либо в структуре личности, либо в микросреде специфически криминогенные свойства, то это еще не значит, что проблема причинного механизма преступного поведения, природы преступности тем самым будет решена. Наоборот, сразу же возникают новые вопросы относительно происхождения обнаруженных криминогенных свойств. В поисках ответа на эти вопросы волей-неволей приходится выйти за рамки исходной абстракции "личность преступника - конкретная жизненная ситуация" и приступить к анализу социальной действительности в более общем плане.

На деле так и происходило. С начала семидесятых годов в советской криминологии осуществлялся своего рода поворот в сторону исследования социальных условий преступности. Были проведены первые крупномасштабные /в пределах области, региона/ исследования, целью которых было выявить, каким образом влияют на преступность демографические, миграционные и т.д. процессы. Были разработаны и осуществлены проекты сравнительного криминологического исследования территориальных различий преступности, в ходе которых социальные условия преступности измерялись целым комплексом показателей. Все это было началом нового этапа развития советской криминологии.

Результаты подобных исследований значительно обогатили эмпирическую картину преступности в ее взаимосвязях с социальными процессами и явлениями. Выяснилось, что многие количественные и качественные характеристики преступности явно и вместе с тем устойчиво коррелируются с некоторыми характеристиками территориально-пространственных общественных систем /города, области, региона/. Тем самым было доказано, что закономерности существования преступности обнаруживаются не столько на уровне рассматриваемого изолированно индивида, сколько на уровне социальных общностей. Вместе с тем выяснилось и то, что и в относительно целостных территориально-пространственных системах криминогенность социальных общностей не связывается с какими-то особыми факторами. Как раз наоборот, она /т.е. криминогенность/ отражает качество, определенное состояние рассматриваемой социальной общности в целом ⁵.

⁵ См.: Спиридонов Л.И. Социология преступления. М.: изд-во АН СССР, 1978, с. 22,24; он же. Социология уголовного права. М.: Юриздат, 1986, с. 68

Так, например, уровень материальной обеспеченности населения сам по себе не коррелирует с уровнем преступности и в этом смысле не имеет криминогенного значения. Однако резкая дифференциация различных групп населения по уровню их материальной обеспеченности явно коррелирует с состоянием преступности. При исследовании территориальных различий преступности, проведенном сотрудниками Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности было, в частности, выявлено, что неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где средний материальный уровень жизни по комплексу наиболее значимых показателей лучше, но зато значительно более контрастность /коэффициент разрыва/ в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерно распределены ⁶.

Разумеется, социальная неоднородность вовсе не единственная и главная детерминанта преступности. Несомненно, что количественные и качественные характеристики связываются еще со многими сторонами функционирования и развития целостного общественного организма. Более того, можно предположить, что по мере развития и постоянного изменения самого общества изменяется и структура детерминант преступности. То, что в этой структуре сегодня является ведущим, определяющим, уступит, быть может, завтра свое место другим обстоятельствам. Все это должно предостерегать нас от прямолинейной, упрощенной интерпретации результатов исследования территориальных различий преступности. Выявленные здесь статистические корреляции между преступностью и различными сферами общественной жизни /труд, быт, досуг и т.д./ свидетельствуют о том, что преступность действительно питается особенностями реальных условий жизнедеятельности людей. Между тем подобные корреляции не образуют еще механизма детерминации преступности. Для того, чтобы понять, почему люди в определенных экономических, социальных и политических условиях

---

⁶ См.: Сахаров А.Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности. - В кн.: Влияние социальных условий на преступность. Сборник научных трудов. М.: Б.и., 1983, с. 28

поступают именно так, а не иначе, чтобы, исходя из этих условий, объяснить реальное бытие преступности, недостаточно зафиксировать статистические корреляции между совокупностью преступлений и некоторыми, вырванными из всеобщего взаимодействия, сторонами и сферами общественной жизни людей.

Общество в целом, а также его относительно целостные территориально-пространственные подсистемы не представляют собой механический набор отдельных компонентов и сфер. В действительности оно — живой организм, каждое проявление которого, в частности социально значимое поведение людей во всех его формах, отражает качество именно целого, а не отдельных частей. Конечно, в той мере, в какой интегративное качество общественного организма проявляется /и не может не проявляться/ через различные его сферы, всякие дисфункции в жизнедеятельности целого обнаруживают себя и посредством определенных деформаций этих сфер. Отсюда и может возникнуть иллюзия, будто та или другая отдельно взятая сфера общественной жизни людей служит источником преступности.

Следует сказать, что такого рода теоретическое заблуждение, то есть принятие видимости за сущность, нашло весьма широкое распространение в исследованиях территориальных различий преступности, ее социальных условий. В результате выработалась специфическая схема /концепция ?/ соответствующих криминологических исследований. Согласно этой схеме в рамках в общем-то благополучных экономических, социальных и т.д. условий нашего общества якобы существуют так называемые теневые стороны, островки неблагополучия /например, неблагополучный быт, отсталость социальной инфраструктуры, неблагополучная демографическая ситуация и т.п./, негативное влияние которых и определяет судьбу преступности. В таком случае проблема преступности сводится лишь к тому, чтобы в конкретных условиях исследуемой территории выявить, что именно порождает преступность, в какой сфере социальной жизни людей скрываются ее корни. А если проблема поставлена так, то наиболее естественный путь к ее решению идет через кропотливое изучение всевозможных корреляций между совокупностью преступлений /либо преступников/, с одной стороны, и различными сферами общественной жизни — с другой. Там, где корреляционные связи наиболее сильные, и скрываются, следовательно, главные, определяющие причины преступности.

Легко заметить, что такой подход к проблеме преступности по существу не отличается от рассмотренной выше схе-

мы преступного поведения. Разница лишь в том, что если для объяснения преступного поведения изучалась абстрактная личность в абстрактной ситуации, причем усилия были направлены на то, чтобы выявить преступные свойства этих абстракций, то теперь в принципе та же схема применяется в отношении статистических обобщений: взамен преступления берется совокупность преступлений, вместо личности преступника выступает совокупность преступников, а ситуацию преступления заменяет совокупность рассматриваемых изолированно /т.е. абстрактно/ условий жизнедеятельности людей, совершивших преступления.

Получается, таким образом, что с первого взгляда принципиально новый территориальный подход к преступности при ближайшем рассмотрении оказывается чисто механическим применением старых, опровергнутых развитием самой теории криминологии концепций. Такой поворот в развитии криминологической мысли и практики исследований не является закономерным, а объясняется временными методологическими трудностями возникшими в связи с переходом на другой уровень познания действительности. Нет ничего удивительного в том, что для криминолога, который привык работать с эмпирически обозримыми объектами, для которого интересующая его действительность проявлялась в виде физических лиц /преступников/ и преступных деяний последних, весьма трудно переориентироваться на изучение функционирования территориально-пространственных систем с целью обнаружения в них криминологически значимых дисфункций и свойств. Вместо того, чтобы признать, что преступность, как между прочим и другие формы социального поведения людей, представляет собой лишь одну из функциональных проявлений жизнедеятельности целостного общественного организма, хочется верить, что преступность все-таки обособляется от "нормальных" социальных отношений, что кое-где скрывают себя какие-то особые, независимые от основных процессов материального и духовного развития общественных систем криминогенные факторы, которые только и заслуживают интереса серьезного криминолога. Отсюда и попытка во что бы то ни стало ограничить объект исследования эмпирически непосредственно доступными проявлениями преступного поведения, будь то совокупность преступников /преступлений/, непосредственно связанные с этой совокупностью фрагменты социальной действительности или же некоторые сферы общественной жизни людей, деформация которых явно связывается с измеряемыми характеристиками наличной преступности.

Между тем территориальный подход к проблеме преступности открывает для криминологии новые перспективы вовсе не в том смысле, что позволяет расширять область применения старых схем. Основная ценность этого подхода заключается как раз в новых познавательных возможностях. Рассматривая преступность как функцию живого общественного организма и изучая эмпирические проявления преступности в разрезе территориально-пространственных систем, криминолог получает реальную возможность оценить отражение социальных свойств общественного организма или качество условий жизнедеятельности общественно организованного человека в характеристиках преступности, в порождении преступной активности населения. В этом смысле преступность выступает перед криминологом как своего рода социальный показатель, как зеркало, отражающее реальное состояние общественного организма в целом⁷, а не как особые, неизвестно откуда взятые факторы преступности.

В роли такого показателя преступность определяет прямое или косвенное влияние различных компонентов общественного организма. Среди этих компонентов центральное место принадлежит населению, которое рассматривается как объект и субъект исторического процесса производства, распределения и потребления материальных и духовных благ. Население, воспроизводя сам себя как в биологическом, так и в социальном смысле, при наличии определенных условий продуцирует и контингент лиц, реализующих криминогенный потенциал общественного организма в конкретную преступность. В этом смысле подлинным субъектом, физическим носителем преступности является именно население, а не совокупность преступников. Преступники, как известно, не составляют особую социальную группу, способную на самопроизводство. Поэтому стабильность совокупности преступников обеспечивается путем постоянного пополнения ее рядов извне. В зависимости от изменения уровня преступной активности населения изменяются и количественные, и качественные характеристики совокупности преступников.

Следует предположить, что уровень преступной активности населения соразмерен криминогенному потенциалу общества, рассматриваемой территориально-пространственной систе-

---

⁷ См.: Спиридонов Л.И. Социология уголовного права, с. 68

ми. Однако в той мере, в какой само население не представляет собой гомогенную массу, а дифференцируется по демографическим, социальным, профессиональным и т.д. группам, социальная активность которых не является одинаковой, нет ничего удивительного и в том, что в показателях преступной активности населения обнаруживается влияние отмеченной социальной дифференции. Здесь уместно подчеркнуть, что говоря о криминогенном потенциале общественного организма и реализующей этот потенциал преступной активности населения, мы вовсе не имеем в виду схему "стимул - реакция" или, что в принципе одно и то же, "воздействие извне - активность субъекта". Криминогенный потенциал общественного организма никогда не возникает где-то в стороне, независимо от населения. Поэтому вполне допустимо такое представление рассматриваемой ситуации, согласно которому основным источником криминогенного потенциала является как раз само население. Так, например, неблагоприятная демографическая ситуация, особенности поло-возрастной структуры могут лежать в основе различного рода преступных посягательств даже при наличии благополучных материальных и духовных условий жизнедеятельности.

Фактически сложившиеся материальные и духовные условия жизнедеятельности, будучи в конечном счете отражением общественного процесса производства, не могут быть однородными для всего общества, а дифференцируются как по территориально-пространственным подсистемам общества, так и по различным группам населения⁸. При этом основным дифференцирующим фактором должен служить реальный вклад каждой отдельной территории или группы населения в процесс создания общественного богатства. В этом, то есть в дифференцированном распределении производимых благ и услуг, и заключается на данном этапе исторического развития нашего общества социальная справедливость. Строгое соблюдение этого принципа служит интересам как всего общества, так и различных групп населения. Зато отход от принципа социальной справедливости, будь это обусловлено либо объективной необходимостью, либо просчетами субъективного характера, всегда порождает напряженность в социальных отношениях и открывает путь к появле-

---

⁸ См.: Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Уч. зап. ТГУ. №725, Тарту, 1985

нию всякого рода неконтролируемых форм поведения, в том числе и преступности.

Разумеется, социальная справедливость проявляется не только в сфере распределения и потребления, но и в сфере производства. Здесь осуществление принципа социальной справедливости выражается в возможности всех групп населения включиться в процесс общественного производства в качестве полноценных тружеников. Существенно также, чтобы сами условия труда соответствовали современным стандартам и субъективным ожиданиям производителей. Если всего этого нет, если в сферу производства включаются неподготовленные к труду контингенты людей, которых ожидают там условия труда и быта, далекие от современных достижений научно-технической революции, то вполне закономерно труд для многих из них становится неприятной необходимостью, источником постоянного чувства неудовлетворенности, напряжения. Отсюда тоже берут свое начало ведущие к прес-тупному поведению закономерности.

Территориально-пространственную определенность общественного процесса производства, распределения и потребления различных благ и услуг, качественный эффект взаимодействия основных компонентов общественного организма наиболее полно и точно выражает понятие социального пространства. Социальное пространство — это не "вместилище", физический простор для развития общественных процессов и явлений, а именно результирующий, интегративный эффект их взаимовлияния. Привлекает внимание, что это понятие вошло в лексикон обществоведов как раз в то время, когда в результате крупномасштабных региональных исследований были обнаружены новые качества территориальных общностей людей. Выяснилось, как пишет М.Н. Межевич, что "территориальная общность ... имеет определенные социальные функции, обладает специфической формой относительно обособления в общественной системе и характеризуется определенной системой социальных связей, формирующей саму общность"⁹. Именно необходимость уловить и адекватно отразить территориально-пространственную специфичность таких общностей побудила ученых к теоретическим

---

⁹ Межевич М.Н. Территориальная общность как объект социального планирования. — В кн.: Планирование социального развития городов. Вып. 2. М.: Б. и., 1975, с. 54.

поискам и послужила основой для разработки нового понятия. "Представляется целесообразным, — продолжает по этому поводу М.Н. Межевич, — сделать вполне назревший шаг: рассматривать территориальную общность как проявление социальной организации пространства"¹⁰.

С точки зрения криминологического исследования природы и причин преступности первостепенный интерес представляют, разумеется, те качества социального пространства, такие его структурные особенности, которые служат источником напряженности. Это, прежде всего, различного рода дисфункции в процессе функционирования целостного общественного организма, неуравновешенность его отдельных компонентов и сфер. Можно предположить, что гармоничное сочетание объективных условий, обеспечивающих жизнедеятельность общественно организованного человека во всех основных сферах социальной действительности, служит истинной основой для вытеснения из повседневного бытия напряженности, неудовлетворенности существующими условиями и самим собой в этих условиях. В такой ситуации продвижение вперед, динамическое развитие общественных отношений и субъекта исторического процесса — самого человека осуществляется в рамках социально одобряемых типов поведения. Если же уравновешенность между компонентами общественного организма по каким-то причинам нарушается, если возникают существенные дисфункции в протекании и развитии различных социальных процессов, то это неминуемо влечет за собой дезорганизацию нормальных общественных отношений и связанную с последней напряженность. Словом — ухудшается качество социального пространства в целом. В таких условиях весьма трудно упорядочивать и регулировать социальное поведение людей, в связи с чем повышается интенсивность отклоняющихся форм поведения, в том числе и преступности.

Таким образом, территориальный подход к проблеме преступности по существу означает криминологический анализ функционирования территориально-пространственных систем, выявление в них дестабилизирующих факторов, источников дезорганизации и социального напряжения. При этом основное внимание должно быть сосредоточено не на отдельных фрагментах социальной действительности, не на изучении вырван-

---

¹⁰ Межевич М.Н. Территориальная общность как объект социального планирования, с. 55

ных из целостного общественного организма процессов и явлений в их взаимодействии с преступностью, а как раз на том качественно новом, что обнаруживается в результате всеобщего взаимодействия и взаимовлияния всех основных компонентов и сфер рассматриваемой социальной системы. То есть — в фокусе интереса криминолога стоит социальное пространство исследуемых территориальных единиц, его качество, причем в той мере, в какой оно отражается в количественных и качественных характеристиках наличной преступности.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПНОСТИ ПО РЕГИОНАМ ЭСТОНСКОЙ ССР

А. Соотс

Как все общественные явления, преступность представляет собой полиструктурный феномен. Теоретически у него может быть неограниченное количество отдельных структур в зависимости от того, какие группы преступлений рассматриваются в качестве самостоятельных компонентов ее структуры. На практике, как правило, ограничиваются исследованием преступности только в главных, традиционных разрезах ее структуры, причем каждый разрез рассматривается отдельно. Таким образом предполагается, что преступность с точки зрения структуры представляет собой одномерную совокупность. Такой подход закономерно связан с оценкой рассматриваемого вида преступления /или их групп/ в зависимости, скажем, от его опасности для общества или от других оценочных критериев.

Но было бы неверно утверждать, что изучение территориальных различий преступности целесообразно только в разрезе преступлений с наибольшей общественной опасностью. Качественное состояние преступности региона как целого характеризует соотношение удельных весов всех ее структурных компонентов. Можно предположить, что различия в уровне и характере социально-экономического развития региона отражаются и в структуре преступности данных регионов, причем различным социально-экономическим "фонам" могут соответствовать различные структуры преступности, качество которых невозможно отличить лишь по доминирующему удельному весу одного вида преступления.

На начальном этапе необходимо ограничиться многомерным анализом небольшого числа видов преступления /одновременное рассмотрение всех зафиксированных законодательством видов преступлений настолько увеличило бы размер анализа, что он потерял бы обозримость/. Необходимость дальнейшей перегруппировки структурных компонентов зависит уже от возможности интерпретации региональных различий. Можно сказать, что "существенный" разрез структуры найден тогда, когда различным социально-экономическим "фонам" не соответствуют больше индифферентные структуры преступности и наоборот.

Результаты, представленные в настоящей статье, получены на основе анализа следующих групп преступлений:

1/ преступления против личности: умышленное убийство, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, покушение на убийство и умышленное нанесение особо тяжкого телесного повреждения /в дальнейшем группа "А"/;

2/ имущественные преступления: хищение государственного или личного имущества путем кражи и грабежа, разбой с целью хищения государственного, общественного или личного имущества /группа "Б"/;

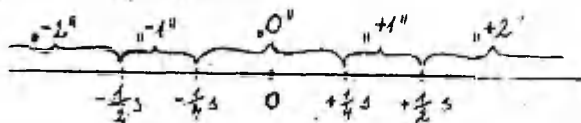
3/ преступления против общественного порядка: хулиганство /группа "В"/;

4/ преступления против государственного или общественного имущества, зарегистрированные по линии БХСС: хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением и в особо крупных размерах, мелкое хищение государственного или общественного имущества /группа "Г"/.

Исследуемый период - 1963 - 1982 гг., кроме районов республики, в качестве отдельного объекта рассматривался и город Таллин. Другие города республики рассматривались как части района их расположения.

Сначала был проведен одномерный анализ в разрезе каждой выделенной группы преступлений отдельно, причем в качестве признака, характеризующего район, брался средний удельный вес рассматриваемой группы преступлений в структуре преступности за исследуемый период.

Для того, чтобы охарактеризовать различия между удельными весами соответствующих групп преступлений, была употреблена нормированная шкала, где за нулевую точку был принят средний удельный вес рассматриваемой группы преступлений по республике:

Районы располагаются по этой шкале либо в одну, либо в другую сторону от нуля в зависимости от того, выше или ниже их удельный вес по сравнению с республиканским средним. Шкала в свою очередь делится на промежутки, длина которых соответствует 1/4 стандартного отклонения рассматриваемого удельного веса.

Регионы, которые попадают в промежуток $[-\frac{1}{4}; +\frac{1}{4}]$ /обозначим его символом "0"/, считаются близкими к респу-

ближканскому среднему по отношению к удельному весу рассматриваемого структурного компонента, удельный вес значительно выше или ниже отмеченной средней у районов, которые располагаются в интервалах $1 + \frac{1}{2} s; +\infty$ / или $1 - \infty; -\frac{1}{2} s$ / соответственно "+2" и "-2"/. В интервалах $[-\frac{1}{2} s; -\frac{1}{2} s]$ и $(+\frac{1}{2} s; +\frac{1}{2} s)$ /соответственно "-1" и "+1"/ удельный вес исследуемого структурного компонента незначительно ниже или выше средней.

Соответственно приведенной шкале районы по удельному весу преступлений группы "А" располагаются следующим образом. Значительно выше среднереспубликанского показателя удельный вес преступности этой группы в Коктла-Ярвеском и Раквереском районе, значительно ниже - в Хийумааском районе /см. рис. I/. Близок к республиканскому среднему удельный вес преступлений группы "А" в Вильяндиском, Тартуском, Харьюском и Пярнуском районах, а также в городе Таллин. В промежутке "+1" располагаются Валгаский и Раплаский районы, а в интервале "-1" - Кингисепшский, Хаапсалуский, Выруский, Пылваский и Пайдеский районы.

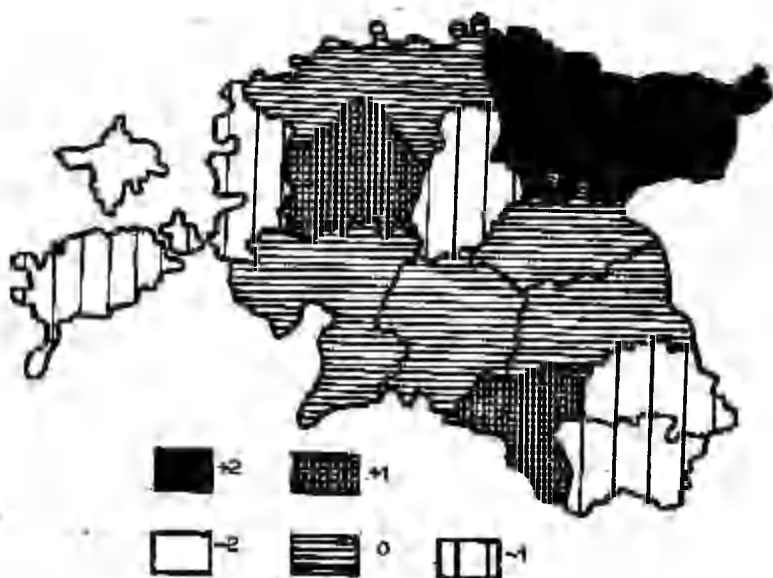

Рисунок I. Территориальные различия преступности группы "А"

Преступления группы "В" имеют самый высокий удельный вес в Коктла-Ярвеском и Кингисеппском районах. За ними следуют Йигеваский и Пярнуский районы /интервал "+I"/. Близки к республиканскому среднему Пайдеский, Пылваский, Вильяндский, Тартуский, Валгаский и Хийумааский районы и город Таллин. Значительно ниже удельный вес преступлений второй группы в районах Раквере и Хаапсалу. В промежутке "-I" находятся Харьеский, Вырусский и Раплацкий районы. Территориальные различия удельного веса по данной группе преступлений иллюстрирует рисунок 2.

Рисунок 2. Территориальные различия преступлений группы "В"

Экстремальными регионами по отношению к среднему удельному весу преступлений группы "Б" являются Хаапсалуский район и город Таллин /"+2"/, Йигеваский и Кингисеппский районы /"-2"/. "Среднюю" группу районов образуют Харьеский, Валга -

ский, Вируский, Пылваский, Раплаский и Кохтла-Ярвеский районы. В промежутке "-I" находятся Пайдеский и Хийумааский районы, а в промежутке "+I" - районы Тарту, Раквере и Пярну /см. рис. 3/

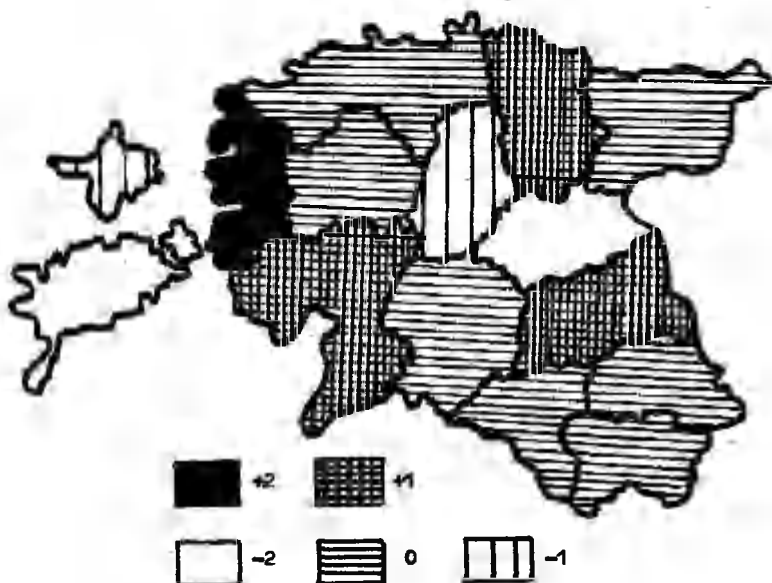

Рисунок 3. Территориальные различия преступности группы "Б"

Удельный вес преступлений группы "Г" в Кингисеппском районе значительно превышает этот показатель в остальных районах /см. рис. 4./. Незначительно выше республиканского среднего удельный вес этого структурного компонента в районах Выру, Валга, Пайде, Хаапсалу, Вильянди и Пярну. Близки к среднему показателю Йыгеваского и Раквереского районов и города Таллина. Незначительно ниже отмеченной средней рассматриваемый удельный вес Харьского района. В промежутке "-2" находятся районы Тарту, Хийумаа и Кохтла-Ярве.

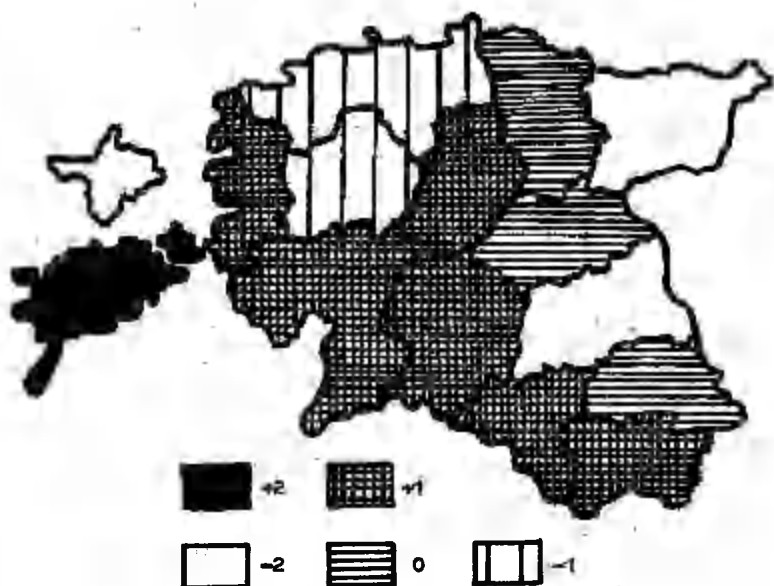

Рисунок 4. Территориальные различия преступности группы "Г".

Удельные веса рассматриваемых видов преступлений во всех районах Эстонской ССР показывает диаграмма на рисунке 5.

При многомерной группировке районов, учитывающей одновременно удельные веса всех исследуемых видов преступлений, использовался один из вариантов кластерного анализа. Признаками, на основе которых была проведена классификация, явились удельные веса групп преступлений "А", "Б", "В" и

Суть метода заключается в следующем^I. Первоначально каждый объект /район/ считается кластером. На каждом шагу

^I См.: Математическое обеспечение ЕС ЭВМ., вып. 25, часть I, П. Минск, 1980

два кластера, имеющие наименьшее расстояние между собой, объединяются и рассматриваются как один кластер. Процесс кластеризации продолжается до тех пор, пока все объекты не будут объединены в один кластер. В качестве меры расстояния между кластерами было использовано Евклидово расстояние, которое вычисляется по формуле:

$$E_{je} = \left[\sum_{i=1}^n (x_{ji} - x_{ie})^2 \right]^{\frac{1}{2}},$$

где

x_{ni} — значение n -й переменной в i -ном кластере или объекте. Евклидово расстояние является самым непосредственным обобщением понятия расстояния, употребляемое в каждодневной жизни: Евклидовым расстоянием между объектами, расположенными в определенной системе координат по числовым ценностям определенных признаков, является длина соединяющей их прямой. В данном случае объекты /районы/ находятся в четырехмерном пространстве.

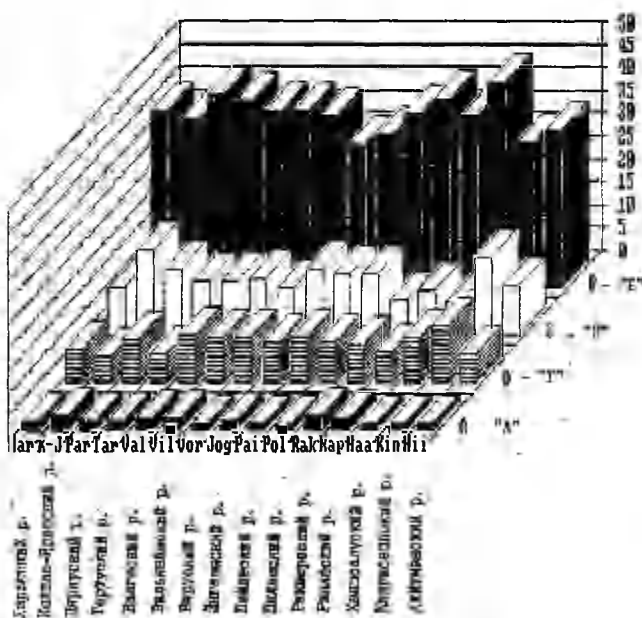

Рисунок 5. Удельный вес преступлений групп "А", "Б", "В" и "Г" по районам республики

Ход анализа иллюстрирует рисунок 6, на котором изображено классификационное дерево, вершинами которого являются исследуемые районы. Включение "близлежащих" объектов в одну группу отмечено горизонтальными линиями. При соединении объектов на вертикальной шкале также отмечено Евклидово расстояние между ними. Чем ниже происходит объединение, тем с "более-отдаленными" объектами имеем дело и тем больше их гетерогенность по отношению к удельным весам рассматриваемых видов преступлений.

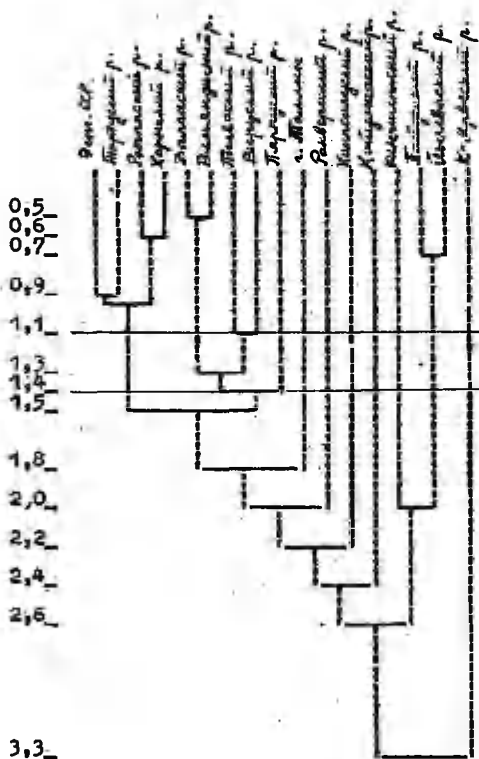

Рисунок 6. Классификационное дерево

Счевидно, что в первую очередь объединяются в одну группу Валгаский и Вильяндиский районы. Практически на той же степени гомогенности образуют следующие кластеры районы Рапла и Харью, а затем Пайдеский и Йигеваский. Тартуский район по структуре преступности наиболее близок к среднему показателю республики; на таком же расстоянии объединяется с кластером "Эстония - Тарту" кластер "Рапла - Харью". Следующий кластер образуют Пылваский и Вырусский районы. Их взаимная гетерогенность гораздо больше, чем у приведенных выше кластеров, но в то же время можно сказать, что они больше походят друг на друга, чем на любой из остальных районов или групп районов. Наиболее близким к кластеру "Пылва - Выру" оказывается кластер "Валга - Вильянди".

Остальные районы имеют в достаточной мере уникальную структуру преступности и между собой уже не группируются. Наиболее своеобразным регионом является Кохтла-Ярвеский район /его объединение с другими районами происходит в последнюю очередь/. Существенными различиями в структуре преступности по сравнению с другими регионами обладает и регион Пайде - Йигева. Самостоятельные регионы образуют также Хийумааский, Хаапсалуский и Раквереский районы, причем Раквереский район более близок к Южно-Эстонскому региону и региону Харью - Рапла - Тарту, чем к соседствующему с ним Кохтла-Ярвескому району.

Как показывает рисунок 6, районы объединяются в группы на различных расстояниях. Следовательно, формирование конкретных групп зависит от выбора так называемого порога расстояния. Принадлежащими к одной группе считаются такие объекты, взаимное расстояние между которыми не превышает избранного порога расстояния. В принципе в качестве порога расстояния может служить произвольное расстояние по вертикальной шкале классификационного дерева. Следует однако учесть, что чем больше выбранное расстояние, тем больше и внутренняя гетерогенность полученных групп, и с тем меньшей строгостью можно судить о внутренней схожести элементов группы. Итак, нет какого-либо единственно возможного правила при выборе "верного" порога расстояния; его "правильность" определяет прежде всего содержательная интерпретируемость различий полученных групп при выбранном расстоянии.

Например, на пороге расстояния I, I /см. классификационное дерево/ образуются следующие группы районов: Выру -

Пылва, Валга - Вильянди, Пайде - Йнгева и Харью - Рапла - Тарту. Остальные районы при данном пороге расстояния не группируются и образуют регионы с относительно несходной структурой преступности как по отношению друг к другу, так и по отношению к полученным группам /см. рис. 7/.

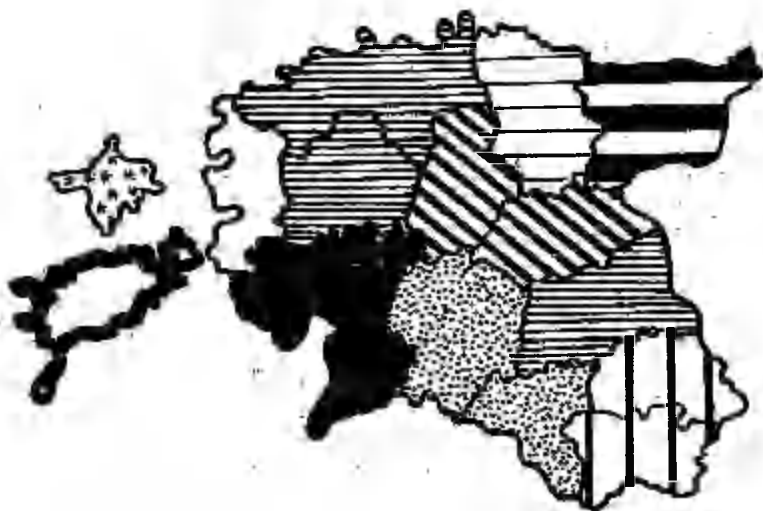

Рисунок 7. Кластеры на пороге расстояния I, I

Для начала охарактеризуем структуру преступности регионов, которые образовались путем объединения нескольких районов. Для региона Пайде- Йнгева свойственен более высокий удельный вес преступлений группы "В" и меньший - группы "Б" по сравнению с остальными регионами. Удельный вес преступлений группы "А" в этом регионе ниже республиканского среднего и сравним с уровнем региона Выру - Пылва.

Для региона Выру - Пылва характерен значительно более низкий удельный вес преступности группы "В" по сравнению с регионами Пайде - Йнгева. Удельный вес преступлений группы "Б" в этом регионе близок к среднему республиканскому показателю.

Самобытность регионов Харью - Рапла - Тарту и Валга - Вильянди по сравнению с регионами Пайде - Йнгева и Выру - Пылва заключается в более высоком удельном весе преступлений группы "А", а также в несколько большей доле

преступлений группы "Б" /значительное различие здесь имеется между регионами Тарту - Харью - Рапла и Пайде - Йнгева/. Удельный вес преступлений группы "В" в регионах Тарту - Харью - Рапла и Валга - Вильянди значительно ниже, чем в регионе Пайде - Йнгева. Взаиморазличающим признаком регионов Тарту - Харью - Рапла и Валга - Вильянди выступает в первую очередь различная доля преступлений группы "Г" /в регионе Валга - Вильянди она значительно выше/, а также некоторое различие в удельном весе преступлений группы "Б" /в регионе Тарту - Харью - Рапла выше/.

Подводя итоги, можно сказать, что регион Пайде - Йнгева отличается от других сравнительно высоким удельным весом преступлений группы "В" и меньшим удельным весом групп "А" и "Б". Характерным признаком региона Тарту - Харью - Рапла является относительно высокая доля групп "А" и "Б" и низкая доля преступлений групп "Г" и "В". Характерной чертой региона Валга - Вильянди выступает относительно высокий удельный вес преступлений групп "А" и "Г", средний удельный вес группы "Б" и низкий - группы "В". Регион Выру - Пылва отличает низкая доля преступлений групп "А" и "Б" и более высокая - группы "Г".

Особенность остальных, негруппирующихся районов, обусловлена значительно высоким или низким /т.е. экстремальным/ удельным весом одного или нескольких структурных компонентов. В районах Кохтла-Ярве и Раквере экстремален удельный вес групп "А" и "В" /в Раквереском районе доля группы "В" значительно ниже республиканского среднего; в районе Кохтла-Ярве - как "А", так и "В" значительно выше/. Для Хаапсалуского района характерен экстремально высокий удельный вес преступлений группы "Б" и экстремально низкий - группы "В". Кингисеппский район отличается высоким удельным весом преступлений группы "В" и "Г", а Хийумааский - значительно низким уровнем группы преступлений "А".

Если увеличить порог расстояния до 1,4, то объединятся в один кластер регионы Выру - Пылва, Валга - Вильянди и Пярнуский район. Картограмма на рисунке 8 показывает, что районы этого кластера образуют единую зону, объединяющую районы Южной Эстонии. Остальная структура группировок остается прежней. Дальнейшее увеличение порога расстояния не имеет смысла, т.к. в таком случае со сгруппированными районами как целыми стали бы объединяться отдельные "экстремальные" районы, а полученная таким образом структура групп

Рисунок 8. Кластеры на пороге расстояния 1,4 утратила бы "чувствительность" по отношению к интерпретации.

Итак, на данном пороге расстояния в Южной Эстонии выделяются две группы районов: регион Выру - Пылва и Вильянди - Валга, которые вместе с Пярнуским районом образуют зону с гомогенной в известном смысле структурой преступности. В известном смысле гомогенная структура здесь означает, что районы данного региона скорее сходны друг с другом, чем с любым другим регионом за пределами данного региона.

Второй регион, состоящий из подобных районов, охватывает районы Харью, Рапла и Тарту. Южно-Эстонский регион и регион Тарту - Харью - Рапла образуют по сравнению с остальными регионами группы районов с наименьшими структурными различиями.

С точки зрения качественного состояния преступности наиболее "отдаленным" регионом является Кохтла-Ярвеский район. По уникальности за ним следует т.н. средне-эстонский регион /Пайдеский и Йыгеваский районы/, затем Кингисепский район. Последний по своей структуре преступности наиболее близок к региону Пайде - Йыгева. Самостоятельные регионы образуют также Хийумааский, Хаапсалуский и Раквереский районы.

Итак, по территориальным различиям структуры пре-

ступности самым рельефным выступает средне-эстонский регион /Пайде - Йыгева/, северо-восточные районы республики /прежде всего Кохтла-Ярвеский район/, западно-эстонские острова /Хийумааский и Кингисепский районы/ и Хаапсалу-ский район. Из остальных районов эстонского материка достаточно близкие группы образуют Харьюский, Раплаский и Тартуский районы, а также районы Выру, Пылва, Валга, Вильянди и Пярну.

При сравнении взаимосвязей исследуемых структурных компонентов во всех районах выявляется следующая тенденция: с повышением удельного веса преступлений группы "А" /преступления против личности/ как правило совпадает повышение удельного веса преступлений группы "Б" /преступления против государственного или общественного имущества, зарегистрированных по линии БХСС/. Взаимосвязи между удельными весами преступлений групп "А" и "Б" /хулиганство/ не наблюдается, а с удельным весом преступлений группы "Б" доля преступлений группы "В" имеет значительную корреляцию.

Полученные результаты и применение данной методики исследования не претендуют на исчерпывающую трактовку территориальных различий структуры преступности. Подобная методика скорее всего представляет собой лишь один из возможных методов, применяемых при исследовании территориальных различий преступности.

Надо помнить также, что методы кластеризации отличаются от большинства методов статистического анализа известной нестрогостью и эвристичностью. Часто невозможно статистически доказать, является ли набор данных вообще негомогенным, т.е. образует естественные группы, также как иногда трудно доказать, являются ли найденные группы наилучшими из возможных. Пригодность той или иной структуры определяет прежде всего интерпретируемость полученных результатов. Таким образом, необходимость дальнейшего анализа и пути его совершенствования во многом зависят от результатов исследования социально-экономического развития найденных регионов, что не входит в непосредственную задачу настоящей статьи.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК
ПРЕСТУПНОСТИ
/территориальный аспект/
Ю. Тарвел

Преступность как разновидность социального поведения отображает некоторые свойства состояния, функционирования и развития общественного организма как целого. В этом смысле она — порождение всех взаимодействующих компонентов общества. Учитывая это, исследователь не может ограничиться изучением каких-то особых, собственно криминогенных факторов, а должен охватить весьма обширную область действительности. Необходимо, чтобы используемые им показатели, характеризующие связь преступности с особенностями жизнедеятельности общественного организма, отображали бы эту жизнедеятельность действительно всесторонне.

Проблема усложняется еще и тем, что ни одно свойство /процесс, явление/ социального организма не подлежит однозначной интерпретации. В зависимости от того, в каких отношениях мы его рассматриваем, оно приобретает все новые формы и эмпирические проявления. Практически это значит, что для адекватного и всестороннего отображения действительности понадобится множество показателей, их система.

С точки зрения криминологического исследования первостепенный интерес представляет народонаселение — субъект преступности — и связанные с ним демографические и миграционные процессы. Демографические процессы, как известно, отличаются стабильностью, и служат достоверным индикатором общественного организма в целом.

Долгосрочные модели демографического поведения населения в криминологии полезны тогда, когда наблюдается связь между характеристиками народонаселения и уровнем преступности.

Разумеется, народонаселение как субъект социального поведения, в частности преступности, формируется не только естественным путем. Существенный вклад в воспроизводство и пополнение народонаселения в современных условиях дает миграция. Так как объемы и основные направления миграционных потоков зависят от структуры и интенсивности экономических процессов в различных регионах страны, то среди факторов, наиболее сильно влияющих на формирование народонаселения, прежде всего выделяется сфера экономики.

Соответственно объективным потребностям производства формируется в конечном счете и народонаселение. Поэтому характеристики именно экономической сферы предопределяют основные характеристики народонаселения.

Для понимания связей, идущих от экономики к конкретным особенностям социального поведения населения, необходимо изучить не только наличную экономику рассматриваемой территориально-пространственной системы, ее состояние и структуру. Важно также определить, какое место экономическая система данного региона имеет в экономике следующей, более крупной территориально-пространственной единице, каковы ее перспективы. Так, например, начиная с 1970-х годов, в нашей стране наблюдается некоторое снижение эффективности экономической деятельности. Это, в частности, означает, что в структуре народного хозяйства деятельность определенной части предприятий как бы теряет смысл и люди, занятые на таких предприятиях, работают вхолостую. Отсутствие эффективной занятости может охватывать обширные регионы. В таких регионах наблюдается уменьшение капиталовложений и технических обновлений. Этому следует, как правило, снижение уровня профессиональной квалификации работников и застывание перспектив развития. Все это не может не отражаться на специфике социального поведения населения.

От состояния и структуры экономической деятельности зависят не только количественные и качественные характеристики народонаселения, но и непосредственные условия его жизнедеятельности, так называемая социальная сфера жизни общества. Нет сомнения, что, наряду с условиями труда, условия быта оказывают весьма существенное влияние на социальную активность людей, предопределяют основные направления и содержание этой активности.

Как известно, условия жизни во многом зависят от исторически сложившихся традиций производства и долгосрочной конъюнктуры экономики. Поэтому они, как правило, изменяются относительно медленно. Резкие изменения здесь возможны лишь за счет изменений структуры народонаселения. Практически это значит, что формальные показатели условий жизнедеятельности бывают именно в быстро развиваемых регионах и городах, тогда как в старых, бесперспективных регионах они значительно выше. Поэтому, когда речь идет об условиях жизнедеятельности, необходимо кон-

кретизировать, о социальной среде какого региона идет речь в данном случае.

Выбор показателей исследования объективных предпосылок преступности определяется, таким образом, расчленением целостного общественного организма на различные компоненты, среди которых как наиболее существенные с точки зрения понимания социального поведения мы выделили народонаселение, экономику и собственно социальную сферу.

Вместе с тем очевидно, что показатели различных сфер относятся к неодинаковым познавательным уровням. В зависимости от уровня исследования следует классифицировать и показатели объекта изучения.

Исходя из сложившейся практики социальных исследований, можно различать четыре уровня исследований. Во-первых, уровень индивида, на котором объектом непосредственного исследования выступает реально существующий человек как носитель антропологических, психических и социальных свойств. На этом уровне исследования социальную действительность обыкновенно объясняют как бы через призму индивидуального бытия общественного человека. Такой подход к общественным явлениям может быть осуществлен не только в плоскости эмпирики. Не исключено, что именно здесь достигаются весьма высокие степени философского обобщения социальной действительности. Но это возможно лишь тогда, если исследователь увидит за индивидами определенные социальные обобщения, аналогичные тем, какими являются герои художественного творчества, литературные типы. В практике криминологических исследований в русле рассматриваемого подхода были разработаны антропологические, психиатрические и т.д. концепции преступного поведения.

Для второго уровня исследования характерен статистический подход. Правда, и здесь в центре внимания находится человек, но уже не в качестве физического индивида, а в виде статистической абстракции, статистически усредненного типа личности. Такой подход обеспечивает явный выигрыш в смысле представительности результатов исследования, так как в статистических обобщениях социально типичных черт избавляются от случайных влияний сугубо индивидуальных свойств и особенностей индивидуума. Между тем следует подчеркнуть, что и статистический тип личности не представляет собой некую модель общества, в связи с чем, исходя из его характеристик, нельзя объяснить состояние,

функционирование и развитие общественных систем, различные формы социального поведения. Разумеется, этот тип личности отображает социальную действительность, реальные общественные отношения, причем делает это более адекватно, нежели отдельный индивид. Однако для того, чтобы содержательно интерпретировать это отображение, нельзя абстрагироваться от тех реальных общественных отношений, продуктом которых является рассматриваемый тип личности. Если это обстоятельство забывается, то реальность общественного бытия окажется замененной наукообразным суррогатом статистических абстракций. Характерным примером такого заблуждения является так называемая теория факторов, имеющая известную распространенность в буржуазной криминологии.

Третий уровень исследования социальной действительности также опирается на статистические обобщения, однако здесь их объектом выступают не характеристики индивидов, а социальные процессы. Само исследование на этом уровне сводится к статистическому моделированию последних. Общеизвестны, например, модели демографического поведения населения, миграционных процессов, урбанизации и других социальных процессов и явлений. Имеется опыт моделирования целостных территориально-пространственных систем, например, городов. Познавательная ценность моделирования отдельных фрагментов социальной действительности не вызывает сомнений, так как в подобных моделях функциональные качества общества обнаруживаются непосредственно, вне их опосредствования индивидом.

Однако статистическая модель сама по себе не обязательно раскрывает сущность исследуемого явления или процесса. Чтобы подойти к сущности изучаемых явлений, необходимо подняться на следующий, четвертый, уровень — уровень теоретической интерпретации эмпирических фактов. Конечно, определенная теоретическая концепция лежит в основе всякого социального исследования. Тем не менее нельзя не заметить, что отмеченные три уровня исследования не обязательно должны выйти за рамки эмпирии, четвертый же уровень без такого выхода немислим. Это значит, что криминолог, будучи специалистом узкого профиля, который не подготовлен к исследованию функционирования и развития общественных систем, тем не менее должен быть готов воспользоваться данными и моделями других наук об обще-

стве в целях выявления закономерностей существования преступности.

Мы не думаем, что выход за рамки эмпирии, осуществляемый на четвертом уровне криминологического исследования, должен быть кардинальным. Криминолог не должен брать на себя роль социального философа. Вполне достаточно, чтобы он остался в рамках так называемой теории среднего уровня. Для него важно найти своего рода стержень, ведущий процесс функционирования и развития общества и, исходя из закономерностей этого процесса, попытаться интерпретировать явления преступности. Проиллюстрируем сказанное на примере закономерностей формирования народонаселения в его связи с преступностью в условиях Эстонской ССР.

Самые существенные изменения в демографической ситуации и расселения народонаселения республики связаны с индустриализацией. Больше всего индустриализация повлияла на территориальную структуру народонаселения в период после второй мировой войны. Хотя индустриализация началась гораздо раньше, уже в конце XIX века, во время буржуазной республики темпы индустриализации сильно уменьшились, так как крупная промышленность, созданная для рынка России, была почти полностью ликвидирована. В частности, были демонтированы судовой верфи, построенные в Таллине накануне первой мировой войны.

После второй мировой войны, в составе Советского Союза, в республике восстановили прежние промышленные традиции и экономическую ориентацию. С точки зрения формирования территориальной структуры народонаселения важно, что промышленность была заложена в основном в северной части республики. Южная часть территории сохранила традиционную аграрную ориентацию. В соответствии с двумя типами производства — промышленной на севере и сельскохозяйственной на юге республики — образовались и два типа народонаселения.

Население Южной Эстонии, менее затронутое процессом индустриализации, осталось сравнительно стабильным. Как известно, Южная Эстония уже в конце прошлого века специализировалась на сельскохозяйственное производство и была наиболее зажиточной частью буржуазной республики. После второй мировой войны, в условиях социалистической республики, сельскохозяйственное производство в Южной Эстонии, ориентированное на растениеводство, стало менее

конъюнктурным; быстрее развивалось животноводство в Северной Эстонии, которому способствовало развитие промышленного региона как потребителя там же.

Региональная специализация народного хозяйства республики довольно-таки четко отражается в специфике размещения городских поселений. Сеть городов Южной Эстонии приобрела современную форму уже к началу прошлого столетия /см. рис. 1/, сеть местных центров образовалась в начале XX века. Привлекает внимание, что городские поселения XX века, образовавшиеся до второй мировой войны, почти все находятся в Южной Эстонии, образовавшиеся же после войны — в Северной и Западной Эстонии /см. рис. 2/. Тем не менее численность населения республ. в связи с созданием промышленности на севере существенно не уменьшалась. Разница рождаемости в деревне и в городе была достаточной, чтобы избежать уменьшения сельского населения.

В Северной Эстонии образовалось динамично развивающееся население, причем не только за счет деревень республ. Отразившаяся в связи с бурной индустриализацией нехватка кадров привела к тому, что население этого региона формировалось во многом за счет мигрантов из других республик /см. рис. 3/. Распределение рабочей силы внутри Северной Эстонии явно связано с конъюнктурой хозяйственного развития. В первые послевоенные годы сланцевый бассейн Северо-Восточной Эстонии занял вслед за Таллином второе место как быстро развивающийся регион. В период основной индустриализации, во время семилетки, Таллин уступил свое место северо-восточному району, куда было направлено больше всего капиталовложений.

Удельный вес промышленности Эстонской ССР в народном хозяйстве Советского Союза за последний период уменьшился. Это обстоятельство отражается в уменьшении объемов движения населения, в замедлении темпов роста промышленных районов. В особенности затормозился рост населения в Северо-Восточной Эстонии. Рабочая сила, прибывшая из других республик, сосредоточилась в основном в Таллине /см. рис. 4/.

Особенности процесса индустриализации в наиболее обобщенном виде отражаются в результатах социально-экономического районирования Эстонской ССР. Если в начале 50-х годов преимущественное развитие промышленного комплекса Северо-Восточной Эстонии отражается в схеме социально-экономического районирования выделением данного комплекса как

центра крупной зоны влияния, то, начиная с 60-х годов, и в особенности в 70-е годы, когда удельный вес Северо-Восточной Эстонии уменьшился и центром полосы роста стал Таллин, на схемах районирования и заселения все увеличивалась зона влияния Таллина /см. рис. 5/. Разумеется, перемещение центров народнохозяйственной активности определяет, в конечном счете, и основные количественные и качественные характеристики народонаселения, что, в свою очередь, не может не отражаться на социальном поведении населения.

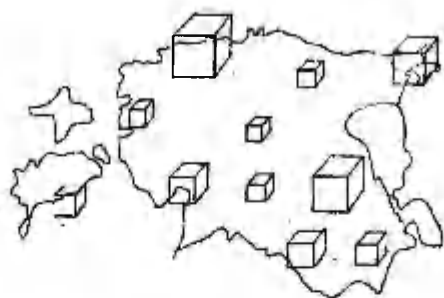
Так, уже в первоначальном рассмотрении территориальной структуры преступности обнаруживается разница между промышленным регионом севера и сельскохозяйственным регионом юга республики. Довольно четко выделяется и регион Средней Эстонии, который характеризуется менее развитой промышленностью. В специальной литературе этот регион иногда называется периферией Средней Эстонии. Территориальные различия преступности по отмеченным регионам являются устойчивыми и вместе с тем явными. Наблюдаются и внутрорегиональные различия /по административно-территориальным единицам/, однако здесь они проявляются гораздо слабее.

В заключение хочется подчеркнуть, что изучение объективных предпосылок преступности представляет собой сложный процесс научного познания социальной действительности, требующий применения методов и результатов разных общественных наук. Здесь нельзя ограничиться формально-статистическим подходом и предполагать, что социальную действительность можно объяснить при помощи одних только статистических показателей. В действительности все гораздо сложнее. Природа социальных процессов не всегда доступна статистике. Это обстоятельство должен иметь в виду и криминолог, приступающий к изучению природы и причин преступности.

Л и т е р а т у р а

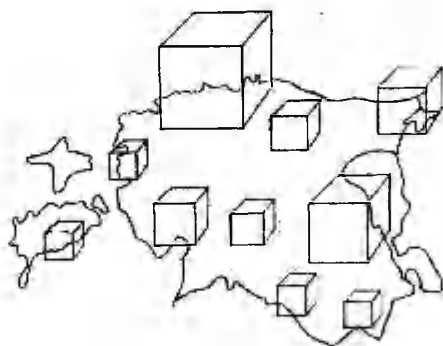
1. Ныммик С.Я. Социально-экономическое районирование /на примере Эстонской ССР/. В кн.: Региональные проблемы развития социально-экономических систем. Труды по географии. Тарту, 1981, с. 25-51

2. Eesti NSV. Andmete kogumik. Koost. V.Tarmisto.Tallinn, 1959.
3. K.Laas. Rahvastiku paiknemisest Nõukogude Eestis. In: Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat 1963, Tallinn,1964, lk. 167-178.
4. A.Marksoo. Regularities of Urbanization and Demogeographical Processes in the Estonian SSR. In: Problems of Territorial Organization of Geographical Systems. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, Publications on Geography, Tartu, 1984, p. 32-56.
5. A.Saar. Mõningaid majandusliku rajoneerimise küsimusi Eesti NSV-s. In: Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat 1960/61, Tallinn, 1962, lk. 225-244.
6. V.Tarmisto, M.Rostovtsev. Eesti NSV. Majandusgeograafiline ülevaade. Tallinn, 1956.

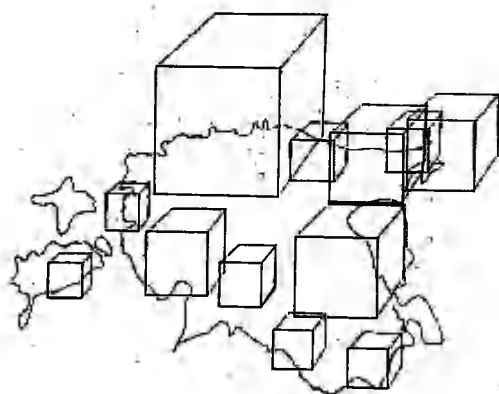
а. 1863 г.

Рис. I. Развитие городской сети Эстонии

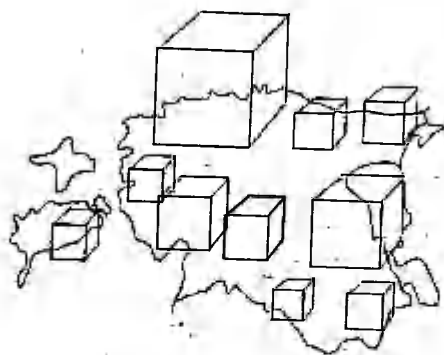
б. 1934 г.

Рис. I.

в. 1985 г.

Рис. I.

г. Распределение городского населения
эстонской национальности в 1979 г.

Рис. I.

- раньше 1918 г.
- 1918 - 1940 гг.

- ◻ 1945 - 1950 гг.

Рис. 2. Становление городов или поселков городского типа

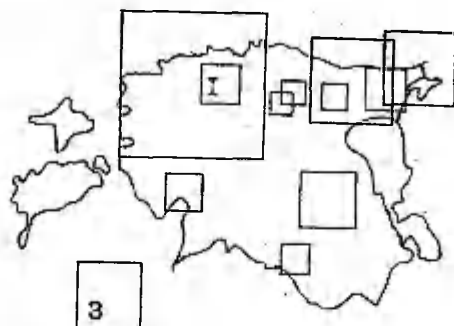
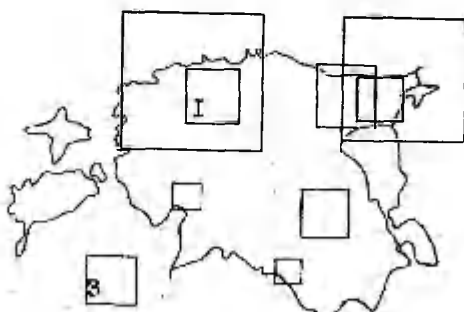
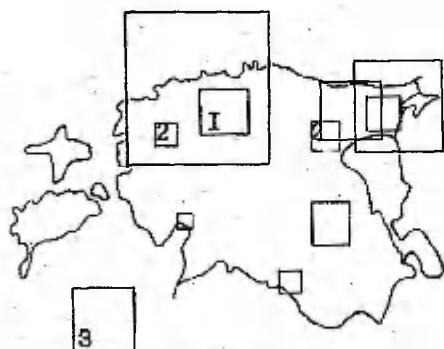

Рис. 3. Распределение населения русской национальности в городах Эстонской ССР в 1959 г.

а. Распределение прироста населения русской национальности в городах Эстонской ССР за 1959-1970 гг.

Рис. 4. Распределение прироста населения русской национальности

б. в Эстонской ССР в 1970 - 1979 гг.

1. городские поселения соответствующего района
2. сельское население соответствующего района
3. другие поселения Эстонской ССР

Рис. 4.

а. Экономико-географические районы
Эстонской ССР в 1956 г. /по В. Тармисто/

б. Экономико-географические районы
Эстонской ССР в 1959 г. /по С. Ныммик/

Рис. 5 Общественно-географическое районирование
Эстонской ССР

в. Экономико-географические районы
Эстонской ССР в 1961 г. /по А. Саар/
Рис. 5.

г. Региональная система расселения
Эстонской ССР в 1981 г. /по С. Ныммик/
Рис. 5.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИЗМЕРЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ СВОЙСТВ ПРЕСТУПНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ЕЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Я. Гинтер

Изучая количественные и качественные свойства преступности, нередко используют термины "количественные – качественные признаки преступности". По мнению автора настоящей статьи, использование этих терминов очень часто является не совсем корректным. Термины "количественные – качественные признаки" имеют в статистике вполне конкретное содержание, и употребляют их не в зависимости от того, какую сторону объекта – качественную или количественную – они отражают, а исходя из типа шкалы измерения данного признака /номинальная, порядковая, интервальная шкала или шкала отношений/¹. Качественные свойства преступности /структура, общественная опасность и т. д./ отражаются нередко именно теми признаками, которые измеряются на шкалах отношений или интервальных шкалах, и употребление по отношению к ним термина "качественные признаки преступности" не совсем обосновано². Преступность конкретного региона можно охарактеризовать как качественными, так и количественными признаками. Качественную сторону преступности характеризуют как качественные, так и количественные признаки; количественную же сторону преступности целесообразно охарактеризовать лишь количественными признаками.

При изучении преступности по регионам традиционными параметрами являются состояние, структура и динамика преступности. Поскольку обычно не уточняют, состояние, структура и динамика какой преступности подвергается исследованию, можно заключить, что в этих случаях анализируется состояние, структура и динамика только зарегистрированной преступности. Но поскольку нет основания предположить, что состояние, структура и динамика латентной преступности соответствует структуре, состоянию и динамике зарегистрированной преступ-

¹ См., например: Пейто Р., Гравид М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972, с. 496–516

² См., например: Гуттман Л. Основные компоненты шкального анализа. В кн.: Математические методы в современной буржуазной социологии. М.: Прогресс, 1966, с. 288–343

ности /можно, например, с большой вероятностью утверждать, что удельный вес хищения государственного и общественного имущества в латентной преступности значительно выше, чем в зарегистрированной преступности/, данные, характеризующие зарегистрированную преступность нельзя безоговорочно переносить на общую преступность /зарегистрированную плюс латентную/. Не исключено, что многие региональные различия в данных, характеризующих зарегистрированную преступность, обусловлены не различиями в общей преступности регионов, а различиями в латентной преступности, т.е. указанные выше различия в зарегистрированной преступности свидетельствуют уже не о различиях преступности отдельных регионов, а о различиях борьбы против преступности в этих регионах.

Применение только данных о структуре зарегистрированной преступности не устраняет указанного недостатка, поскольку регионы отличаются друг от друга не только удельным весом латентной преступности вообще, но и удельным весом латентной преступности конкретных видов и конкретных групп субъектов.

Вышеупомянутый недостаток данных, характеризующих зарегистрированную преступность, возможно преодолеть скорее всего тщательным изучением латентной преступности регионов. Но так как изучение латентной преступности регионов еще недостаточно развито, то при интерпретации различий в характеристиках зарегистрированной преступности конкретных регионов приходится каждый раз определять, обусловлены ли данные различия особенностями в общей преступности или только неодинаковым удельным весом латентной преступности.

Состояние, структура и динамика преступности региона характеризуется разными показателями /например, числом регистрируемых преступлений в год; отношением числа лиц, совершивших кражи личного имущества граждан, к числу лиц в возрасте 14-60 лет, проживающих на территории региона; возрастной структурой преступников и т.д./. С расширением возможностей обработки данных с помощью ЭВМ увеличивается возможность привлечения различных агрегированных и других показателей, основанных на сложных математических расчетах. Например, состояние преступности некоторой группы населения региона нередко характеризуется так называемым коэффициентом криминальной активности, вычисляемым по формуле:

$$K = \frac{n}{\pi} : \frac{H}{H} \quad /1/$$

где n - число зарегистрированных преступлений, совершенных представителями данной группы населения в регионе /или число зарегистрированных преступников, представителей данной группы населения/;

π - число зарегистрированных преступлений в регионе /или число зарегистрированных преступников/;

H - число представителей данной группы населения в регионе;

H - население региона.

Интерпретация значений коэффициента криминальной активности уже более сложна, поскольку каждый раз приходится учитывать возможность изменения этого коэффициента в зависимости от изменения различных переменных, входящих в формулу. Особенно тщательно приходится относиться к интерпретации динамических рядов, выраженных в вышеупомянутых коэффициентах, поскольку уменьшение или увеличение коэффициента в течение определенного периода времени может быть обусловлено не изменением криминальной активности данного контингента, а изменением криминальной активности других контингентов. Во избежание возможных неправильных интерпретаций вышеуказанного коэффициента целесообразно использовать термин "коэффициент сравнительной криминальной активности". Предложенный термин более точно выражает и сущность рассматриваемого коэффициента, т.к. он действительно показывает не только криминальную активность конкретного контингента, но и криминальную активность данного контингента по сравнению с другими контингентами.

К.К. Горяиновым и А.И.Силаевым предпринята попытка использовать данный коэффициент с целью измерения криминологического значения разных социально-демографических признаков³. Для этого они предлагают вычислять показатель неравномерности распределения интенсивности преступности /ПНРИП/ по формуле:

$$\text{ПНРИП} = \frac{K_1 + K_2 + K_3 + \dots + K_m}{m} = \frac{\sum_{i=1}^m K_i}{m} \quad /2/$$

где $K_1; K_2; K_3; K_m$ - коэффициенты криминальной активности

³ См.: Горяинов К.К., Силаев А.И. Криминологическая обстановка и ее региональные особенности. М.: [Б.и.], 1985, с.25-28

/по нашей терминологии - коэффициенты сравнительной криминальной активности/ всех контингентов населения по конкретному признаку;

m - число учитываемых контингентов.

Хотя К.К.Горяинов и А.И.Силаев сами признают, что предложенный ими показатель в некоторой степени зависит от числа учитываемых контингентов населения по рассматриваемому признаку, но все же советуют применять его.

Однако посмотрим, зависят ли значения ПНРИП больше от степени влияния изучаемого признака на криминальную активность населения или от других обстоятельств. Если в формуле /2/ коэффициенты сравнительной криминальной активности выразить по формуле /1/, то формула /2/ будет иметь следующий вид:

$$\text{ПНРИП} = \left(\frac{n_1 : \Pi}{n_1 : H} + \frac{n_2 : \Pi}{n_2 : H} + \frac{n_3 : \Pi}{n_3 : H} + \dots + \frac{n_m : \Pi}{n_m : H} \right) : m =$$

$$= \frac{\sum_{i=1}^m \frac{n_i : \Pi}{n_i : H}}{m} \quad /3/$$

Если сравниваемые контингенты населения имеют одинаковую численность, то

$$n_1 : H = n_2 : H = n_3 : H = \dots = n_m : H = \frac{1}{m},$$

и формула /3/ приобретает следующий вид:

$$\text{ПНРИП} = \frac{\sum_{i=1}^m \frac{n_i : \Pi}{1 : m}}{m} = \sum_{i=1}^m \frac{n_i}{\Pi} = \frac{\sum_{i=1}^m n_i}{\Pi} \quad /4/$$

Но поскольку сумма зарегистрированных преступников, представителей всех контингентов населения по конкретному признаку равняется общей численности зарегистрированных преступников, то:

$$\sum_{i=1}^m n_i = \Pi$$

и

$$\frac{\sum_{i=1}^m n_i}{\Pi} = 1$$

Из всего этого следует, что если сравниваемые контингенты населения имеют одинаковую численность, то значение предложенного показателя - независимо от различий в криминальной активности сравниваемых контингентов населения - равняется единице.

Описанным недостатком рассматриваемого показателя можно объяснить и довольно неожиданный результат, полученный А.И.Силаевым и К.К.Горяиновым, согласно которому и при

таком преступлении, как изнасилование, пол преступника оказывает меньше влияния на криминальную активность, чем возраст. В действительности же низкое значение ПНРИП для признака "пол" обусловлено тем, что в структуре населения удельный вес женщин и мужчин приблизительно одинаков, и, как мы уже доказали выше, в таком случае значение ПНРИП приближается к единице независимо от различий в криминальной активности различных контингентов населения по рассматриваемому признаку.

Упомянутое нежелательное свойство ПНРИП устранимо заменой в формуле /2/ коэффициентов сравнительной криминальной активности, имеющих значение ниже единицы, обратными им величинами. Однако подобным изменением формулы не устраняется зависимость значения показателя от числа контингентов населения, рассматриваемых по конкретному признаку и имеющих низкие, средние или высокие коэффициенты сравнительной криминальной активности.

Аналогичные проблемы могут возникнуть и при использовании уже ранее разработанных показателей, основанных на сложных математических расчетах. Например, К.К.Горяинов и А.И.Силаев, изучая взаимосвязи между показателями степени неравномерности распределения интенсивности преступных проявлений по социально-демографическим признакам /рассчитанных по различным видам и группам преступлений / с помощью коэффициента ранговой корреляции, получили следующую корреляционную матрицу:

Таблица I

Коэффициенты ранговой корреляции между показателями неравномерности распределения интенсивности преступности по видам и группам преступлений

Признак	I	II	III	IV	V
I возраст	I	0,73	-0,97	0,72	0,06
II социальное положение	0,73	I	-0,75	0,38	0,08
III образование	-0,97	-0,75	I	-0,74	-0,09
IV пол	0,72	0,38	-0,74	I	0,33
V место жительства	0,06	0,08	-0,09	0,33	I

Эти авторы, ссылаясь на отрицательные значения коэффициентов корреляции признака "образование", утверждают, что данное обстоятельство указывает на самостоятельный и в значительной степени независимый характер криминологически значимого влияния уровня образования населения на интенсивность

преступных проявлений⁴. Но если глубже вникнуть в смысл приведенной матрицы, то можно увидеть, что самые высокие значения имеет коэффициент ранговой корреляции именно по признаку "образование", и, следовательно, никак нельзя говорить о независимом характере влияния данного признака. Отрицательные значения коэффициентов указывают на то, что криминальная активность зависит от образовательного уровня больше всего именно при тех видах и группах преступлений, при совершении которых возраст, социальное положение и пол оказывают относительно меньшее влияние. Сравнительно независимым признаком среди приведенных в табл. I можно считать "место жительства", который коррелируется только с признаком "пол".

Рассмотрение трудностей измерения количественных и качественных свойств преступности дает возможность сделать вывод, что криминологам при разработке новых сложных, основанных на математических формулах, показателей или при применении таких показателей целесообразно консультироваться с математиками. За математическим же анализом показателей непременно должна следовать содержательная криминологическая оценка, задачей которой является определение того, какой конкретный аспект действительности данный показатель в данном случае отражает.

⁴ См.: Горяинов К.К., Силаев А.И. Указ. соч., с. 29

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОНАРУШАЕМОСТИ НЕСОВЕРШЕННО- ЛЕТНИХ

Гилинский Я.И., Цаплина Г.Я.

I. Совершенствование реального социализма, достижение нового качественного состояния советского общества предполагает решение комплекса сложнейших экономических и социальных проблем, включая двуединую задачу: активизацию человеческого фактора, развитие социального творчества трудящихся и преодоление антиобщественных проявлений. Успешное решение обеих составляющих этой задачи в значительной степени зависит от вовлеченности молодежи в социальное творчество и ее "отвлеченности" от антиобщественных явлений. А это, в свою очередь, требует постоянного разрешения постоянно возникающих социально-экономических проблем молодежи, основывающегося на знании и как самих проблем, так и путей их решения.

Достигнутый уровень развития советской криминологии^I позволяет, а настоятельная потребность в усилении ее практической направленности заставляет обращаться ко все более углубленному исследованию конкретных механизмов различных видов преступности. Преступности несовершеннолетних и молодежи в этом отношении "повезло": она служит традиционным объектом криминологического изучения, нашедшего отражение в многочисленных публикациях последних лет (прежде всего в трудах Г.М. Миньковского, А.И. Долговой, В.Д. Ермакова, Г.И. Забрянского, К.Е. Игошева и др.). В предлагаемой статье рассматриваются некоторые вопросы социально-психологического опосредования социально-экономической детерминации преступных и иных ("предпреступных") антиобщественных проявлений несовершеннолетних.

---

^I См.: Кудрявцев В.Н. Четыре тезиса советской криминологии. — Вестник АН СССР, 1985, № 9, с. 26–33; Курс советской криминологии: достижения, проблемы и перспективы. — Сов. государство и право, 1985, № 2.

2. Преступность несовершеннолетних и молодежи, как одна из составляющих преступности вообще, не имеет каких-либо специфических причин, а порождается общими причинами преступности и иных антиобщественных явлений (пьянства, наркотизма, тунеядства и др.), тающимися в сложной иерархии противоречий социально-экономического развития общества². Однако, эти противоречия, образующие в совокупности "причинный комплекс" преступности, правонарушаемости, иных форм социальной патологии, — по-разному, с неодинаковой "силой" проявляются в детерминации различных видов преступности. При этом в механизме обусловливания конкретных форм преступности и иных антиобщественных проявлений ведущую роль играют различные составляющие причинного комплекса. Этим, в частности, могут объясняться и территориальные различия преступности, и ее динамика. К сожалению, наши знания конкретных механизмов обусловливания разных видов преступности (вообще различных форм социальной патологии) далеки от желаемого.

Рассмотрим некоторые модификации общих причин преступности применительно к преступности несовершеннолетних.

3. Известно, что при социализме сохраняется социально-экономическая неоднородность труда (умственного и физического, индустриального и сельскохозяйственного, квалифицированного и неквалифицированного, управленческого и исполнительского), влекущая социальную неоднородность общества, наличие классов и социальных групп. Соответственно сохраняются и элементы социального неравенства (нелишнее напомнить, что основоположники марксизма связывали полное преодоление социального неравенства с уничтожением классовых различий³). Анализ противоречий реального социализма приводит к выводу, что главным из них является противоречие между равным отношением трудящихся к средствам производства, к социалистической собственности

---

² См.: Елужетейн Ю.Д., Яковлев А.М. Введение в курс криминологии. — Минск, 1983, с. 33-43; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. — М., 1976; Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. — М., 1981; Человек как объект социологического исследования. — Л., 1977, с. 81-104.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 19, с. 525.

и сохраняющимся неравным принципом распределения по труду, а не по потребностям⁴. Если В.И. Ленин обоснованно усматривал известную несправедливость в самом принципе распределения по труду⁵, то тем более острые конфликты могут возникать при несправедливом нарушении этого - наиболее справедливого для достигнутого уровня развития общества - социалистического распределительного принципа.

Поскольку побудительной силой человеческой деятельности служат потребности (точнее, неудовлетворенные потребности - нужда⁶), определяющие ее содержание, а возможности (средства, способы) их удовлетворения обусловлены прежде всего местом индивидов в системе общественного производства и потребления, постольку непосредственной причиной социально значимых (в том числе - антиобщественных) действий, поступков является противоречие между социально сформированными потребностями людей и социально же обусловленными возможностями их удовлетворения. Социальное неравенство порождает и служит основным источником антиобщественных проявлений, что реальные возможности ("поле" возможностей, "шансы") удовлетворения потребностей в значительной степени определяются социальным положением индивида, его местом в социальной структуре общества. При этом речь идет не только (и не столько) об удовлетворении первичных, витальных потребностей, но и потребностей собственно социальных, духовных, включая потребность в с а м о у т в е р ж д е н и и, самовыражении, самореализации личности, в творчестве (как социальной модификации потребности в поисковой активности у животных). А "реализовать потребности, определяемые стремлением к творчеству и самовыражению личности куда труднее, чем просто накормить, одеть людей, построить для них жилища"⁷.

⁴ См.: Шевченко В.Н. Исследования в области исторического материализма. - Вop. философии, 1985, № 7, с. 23.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 93.

⁶ Потребность в каком-либо благе как состояние отсутствия этого блага (см.: Магун В.С. Потребность и психология социальной деятельности личности. - Л., 1983, с. 7).

⁷ Махьцев Г.В. Социальная справедливость и право. - М., 1977, с. 143.

Объективно различное положение классов и социальных групп в системе социалистического общественного производства определяет различное их положение в сфере политики и культуры, быта и потребления, а, в конечном счете, и различные формы социально значимого поведения. Это находит широкое эмпирическое подтверждение в виде неравномерного распределения различных форм социальной патологии среди классов и социальных групп.

На уровне индивидуального поведения источником социальной активности (позитивной и негативной) выступает несоответствие объективных личностных свойств индивида (включая способности) требованиям занимаемой социальной позиции — "социальная неустроенность", и как следствие — противоречие между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения. При этом по мере роста благосостояния и удовлетворения витальных потребностей, возрастает значение собственно социальных потребностей, в том числе "метапотребностей" — в признании (престиже) и в самоактуализации (самоутверждении).

4. Молодежь, строго говоря, не является социальной группой. Ее представители могут быть рабочими и служащими, колхозниками и учащимися. В о з р а с т, взятый сам по себе, как показатель лишь длительности индивидуального существования, социально "нейтрален" и уж во всяком случае не может служить критерием классово-социальной дифференциации общества. Однако, все основные биологические свойства человека (пол, возраст, здоровье и др.) опосредованы обществом, в к л ю ч е н н о с т ь ю конкретных индивидов (мужчин и женщин, молодых и преклонного возраста, здоровых и нетрудоспособных) в общественные отношения.⁸ И тогда они, эти свойства, становятся значимыми, с точки зрения их влияния на различные формы жизнедеятельности, образ жизни людей. И тогда молодежь выступает как относительно самостоятельная социально-демографическая группа населения, обладающая определенными, общими именно для молодежи, социально значимыми свойствами, про-

⁸ "К примеру, в зависимости от пола человека общество решает, как он должен вести себя, какими будут его ценности... Младенец, ребенок, юноша и взрослый определенного пола должны вести себя соответствующим образом" (Парсонс Г. Человек в современном мире. — М., 1965, с. 319).

являющимися в специфических формах общения, поведения.⁹

Так, нормативность поведения существенно зависит от степени социализации индивида, степени его включенности в общественные отношения. Социализация индивида как функция общества состоит в том, что оно, во-первых, предоставляет своим членам определенный набор социальных позиций (во всех сферах жизнедеятельности: в труде, политике, быте и досуге); во-вторых, формирует (путем образования, воспитания) свойства, необходимые для замещения этих позиций; в-третьих, определяет механизм распределения индивидов по социальным позициям ("по происхождению", "по сословной, кастовой принадлежности", "по способностям" и т.п.)¹⁰. Ясно, что возраст оказывается значимой характеристикой в процессе социализации индивидов. И тем более значимой, чем выше ступень развития общества в его историческом движении.

Молодость — период бурного расцвета всех сил и способностей человека. "Акимз" деятелей науки и искусства приходится, как правило, на молодые годы¹¹. Самые высокие показатели различных компонентов интеллекта обнаруживают 19-летние и во всяком случае оптимум развития интеллектуальных функций располагается между 18 и 20 годами, равно как и скорость двигательных реакций. "Возможно, что именно на 19 лет приходится один из главных сенситивных периодов развития взрослого человека, а вместе с тем, и наибольший процент самых высоких коэффициентов умствен-

---

⁹ См.: Жизненные пути молодого поколения. — Таллин, 1983; Молодежь в общественных отношениях развитого социализма: тезисы конференции, — Тарту, 1984, ч. I и II; Общество и молодежь. — М., 1968; Шубкин В. Начало пути. — М., 1979 и др.

¹⁰ См.: Спиридонов Л.И. Социализация индивида как функция общества. — В кн.: Человек и общество. — Л., 1971, вып. IX, с. 3-43; Гилинский Я.И. Стадия социализации индивида. — Там же, с. 44-55; Лебедев П.Н. Социализация индивида и воспроизводство общества. — Там же, с. 56-86.

¹¹ См.: Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977, с. 225-226; Проблема научного творчества в современной психологии. — М., 1971, с. 323-332.

ного развития¹². Советская молодежь лидирует среди других возрастных групп по многим показателям трудовой, общественно-политической, досуговой деятельности. Вместе с тем на молодые годы приходится и "пик" антиобщественных проявлений. По некоторым видам преступлений (изнасилования, разбойные нападения, грабежи, кражи государственного и личного имущества, угон автотранспортных средств без цели хищения и др.) наблюдается повышенная криминальная активность молодежи. По данным исследований в ПНР, ГДР, ЧССР, а также в некоторых регионах Советского Союза, наиболее "криминальными" оказались возрастные группы 16-17, 18-24, 25-29 лет¹³. Начиная с 30 лет криминальная активность падает и доходит до минимума в старших (от 50 лет и старше) возрастных группах (исключение составляют должностные и некоторые корыстные преступления). По преимуществу молодежной является проблема наркотизма. Среди подростков, несовершеннолетних относительно распространены некоторые аморальные ("предпреступные") поступки и суицидальные попытки¹⁴.

Относительно высокий уровень антиобщественных проявлений подростков и молодежи объясняется повышенным энергетическим потенциалом, бурным развитием физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желанием самоутвердиться в мире взрослых при недостаточной социальной и нравственной зрелости, недостаточном профессиональном и жизненном опыте,

---

¹² Аняев Б.Г. Указ. соч., с. 203, а также с.196-204, 349-357.

¹³ См.: Аколиньский С. Проблемы социальной патологии. - В кн.: Социальная политика. - М., 1977, с. 353; Деттенборн Г., Гартманн Р. Преступность среди молодежи. - В кн.: Исследование проблем молодежи в ГДР. - М., 1976, с. 338; Криминология. - М., 1982, с. 193-195; Человек как объект социологического исследования, с. 100 и др.

¹⁴ См.: Актуальные проблемы суицидологии. - М., 1981, с. 124-141; Деева Н.А. Тунеядство как специфическая потребность некоторой категории несовершеннолетних правонарушителей (девочек). - В кн.: Проблемы формирования социальных потребностей. - Тбилиси, 1974, с. 74-77; Деев В.Г. Факторы формирования отрицательных потребностей в подростковом возрасте и их влияние на поведение. - Там же, с. 178-181.

а, следовательно, и сравнительно невысоком (неопределенном) социальном статусе ("маргинальность" молодежи)¹⁵. Это отчасти проявляется в недостаточном уровне знаний социальных норм, включая правовые, в недостаточном их усвоении, ин-терпретации¹⁶. Многочисленными социологическими исследованиями установлена неудовлетворенность молодежи содержанием, характером и условиями труда, содержанием и формой обучения, жилищными условиями (молодые супружеские пары), "заорганизованностью" досуговой деятельности и возможностями проведения свободного времени. Эта неудовлетворенность вряд ли может быть объяснена лишь "капризами" молодежи. Применительно к молодым особое значение приобретает проблема "канализирования" энергии в социально одобряемом направлении, ибо "молодежь особенно сильно нуждается в социальном признании и самоутверждении"¹⁷, а неудовлетворенная потребность в самоутверждении приводит к антиобщественным поступкам ("комплекс Герострата"¹⁸). Вот почему важнейшим общесоциальным средством предупреждения антиобщественных проявлений молодежи служит требование новой редакции Программы КПСС: "Партия считает необходимым значительно усилить внимание к социальным проблемам молодежи и прежде всего к развитию и более полному удовлетворению общественно значимых интересов и потребностей юношей и девушек в сфере труда и быта, образования и культуры, профессионального и служебного роста, разумного использования свободного времени"¹⁹.

---

¹⁵ В капиталистическом обществе "трезвая оценка положения может привести к страшному подозрению - возможно, ситуация такова, что дети и молодежь фактически уже не имеют важного значения" (Кристи Н. Пределы наказания. - М., 1985, с. 155).

¹⁶ См.: Вопросы теории и практики правовой пропаганды. - Л., 1973, с. 78-86.

¹⁷ Деттенборн Г., Гартманн Р. Указ. соч., с. 338.

¹⁸ См. подробнее: Кочетков Т.М. Социальное творчество молодежи - альтернатива антиобщественным проявлениям. - В кн.: Молодежь в общественных отношениях развитого социализма, ч. I, с. 177-179.

¹⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). - М., 1986, с. 42.

5. Общие причины социальных отклонений, обуславливая индивидуальные поступки, преломляются через условия бытия конкретного индивида и его неповторимые личностные особенности. Поэтому конкретизация социальной обусловленности индивидуальных преступных (и иных антиобщественных) актов требует привлечения психологического и социально-психологического объяснения. Это поможет понять механизм "разведения" различных форм отклоняющегося поведения (почему, например, в определенных жизненных ситуациях один совершит агрессивный поступок, другой суицидальный акт, а третий "уйдет" в мир наркотиков), влияние личностных особенностей на степень вероятности канализирования социальной активности в том или ином направлении, воздействие особенностей пубертатного (или иного сенситивного) периода на направленность, интенсивность, содержание и форму поведенческих актов и т.п..

Исходным в исследованиях может служить представление об индивидуальном поведенческом акте (P) как функции (f) общей социальной ситуации (S), конкретной социальной ситуации (s) и личности (L), поскольку "внешнее влияние действует через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)"²⁰:
 $P = f(S, s, L)$. Это не исключает более детального анализа составляющих общей и конкретной ситуаций, структурных компонентов личности, стадий принятия решения и т.п.²¹. Так, исследования некоторых элементов общей социальной ситуации подтверждают значимость условий семейного, дошкольного и школьного воспитания, определяющих типы и уровни ранней социализации и ее дефекты. Хорошо известно отрицательное влияние неполной, неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетних (исследования Г.М. Миньковского, Л.А. Кипчинской и Л.А. Бергера, Н.В. Гавриловой и др.). Вместе с тем все большее "криминогенное" значение приобретает та-

²⁰ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. - М., 1957, с.226.

²¹ См.: Кудрявцев В.Н. 1) Причинность в криминологии: (о структуре индивидуального преступного поведения). - М., 1968; 2) Право и поведение. М., 1978; Курс советской криминологии. - М., 1985, т. I (гл. 13, 14); Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. - М., 1985.

кие факторы как расхождение между словами и поступками взрослых, отсутствие интимно-личностных, эмоциональных контактов между детьми и родителями, чрезмерная рационализация их отношений (и тогда подростки ищут духовную близость, понимание и теплоту "на стороне", в том числе - среди делинквентных подростково-молодежных групп); крайности либерально-попустительского и авторитарно-жесткого семейного (или школьного) воспитания. Так, при авторитарном, жестком режиме семейного воспитания обостряются противоречия между стремлением подростка к самоутверждению, эмансипации и возможностями их осуществления, что нередко приводит к "уходу" - побегам, наркотизации, суициду (Л.Я. Мезлова, А.Е. Личко и др.) или же к агрессивному поведению. Феминизация семейного и школьного воспитания может способствовать нарушениям социализации по полу, негативные последствия которых еще недостаточно изучены. Существенным элементом общей социальной ситуации являются территориальные (поселенческие, этнические) особенности, обуславливающие региональные различия в интенсивности и структуре преступности.

Объективные факторы конкретной жизненной ситуации и их криминологическое значение исследованы относительно полно. Значительно слабее изучена психологическая сторона конкретной (особенно критической, кризисной) ситуации. Одна из немногих отечественных работ на эту тему - монография Ф.Е. Васильюка²², тем более интересная, что при теоретическом характере она имплицитно содержит ответы на вопрос: "что человек делает, когда сделать уже ничего нельзя, когда он попадает в ситуацию невозможности реализации своих потребностей, установок, ценностей и т.д."²³ К конкретной ситуации относится и ближайшее окружение, особенно значимое для несовершеннолетних, поскольку их решения находятся в большей зависимости (прямой или обратной) от ценностных ориентаций членов семьи, учебного или трудового коллектива, подростковой группы, нежели это присуще взрослым (принимающим решения более "самостоятельно"). При этом для подростков характерны как большая

²² См.: Васильюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. - М., 1984.

²³ Зинченко В.П. Предисловие к кн.: Васильюк Ф.Е. Указ. соч. о.5.

склонность считаться с референтной (в частности, подростковой субкультурной) группой, так и возможностьступить "назло" взрослым (родителям, учителям), с которыми утрачены положительные эмоциональные контакты. Акцентированное противопоставление своего Я авторитету взрослых в значительной степени объясняется особенностями пубертатного периода, когда "у подростка сразу появляется сильное стремление к самостоятельности. Наряду с этим возревший в процессе учения интеллект помогает ему критическим взором пересмотреть и оценить все то, что ему до сих пор преподавал авторитет... Таким образом, в период полового созревания ... проявляется н е г а т и в и з м и у п р я м с т в о . Подросток чувствует неуклонную тенденцию суверенной самостоятельности и беспощадного отрицания всего до сих пор существовавшего".²⁴

Все структурные компоненты личности, ее мотивационная система, возрастные особенности - важная составляющая индивидуального поведения. От личностных свойств (темперамента, характера, способностей, чувств и др.) в значительной степени зависит социально значимая форма реагирования на конкретную жизненную ситуацию.²⁵ Криминологическая значимость мотивационной системы и ее отдельных элементов раскрыта в упомянутых работах В.Н.Кудрявцева и А.М.Яковлева. Принципиально важными - и прежде всего, в целях изучения и предупреждения (индивидуальной профилактики) правонарушений несовершеннолетних - представляются положения о предрасположенности (диспозиции) индивида к восприятию и оценке конкретной ситуации (перцепция ситуации), готовности действовать определенным образом в соответствии с иерархией диспозиционных образований (элементарные фиксированные установки, социально-фиксированные установки или "аттитюды", доминирующая направленность интересов личности, проявляющаяся в системе ценностных ориентаций, включая "концепцию жиз-

²⁴ Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. - М., 1966, с. 424-425. См. также: Кон И.О. Психология юношеского возраста: (проблемы формирования личности). - М., 1979.

²⁵ За афористичным высказыванием Чезаре Павезе: "самоубийцы - робкие убийцы" - скрываются объяснения набора агрессии или аутоагрессии в зависимости от характерологических особенностей личности.

ни")²⁶; о значении мировоззрения (миросозерцания, миропонимания, мироощущения и миросозидания) и его нравственно-психологической модификации в виде смысла жизни и назначения человека в детерминации социально значимого, в том числе, преступного (вообще отклоняющегося) поведения²⁷; о роли самооценки (Я-образа) индивида в генезисе поведения в соответствии с установленной закономерностью: чем ниже самооценка, тем вероятнее негативные отклонения (данные Л.Фестингера, Э.Аронсона и др.). Следовательно, понимая самооценку подростка путем утверждения: "ты трудный, неисправимый", мы тем самым способствуем актуализации этой оценки. И наоборот, настойчиво повышая самооценку, предупреждаем возможные антиобщественные поступки. Эта закономерность, наряду с представлениями о "балансе" социальной активности и возможностью ее канализирования в социально полезном направлении²⁸, о творчестве как альтернативе социальной патологии позволяет сделать принципиальной важности вывод: "наиболее эффективное предупреждение преступлений ... достигается не просто временным подавлением нежелательных форм поведения, а их постоянным вытеснением, заменой их на социально одобряемые, полезные обществу и индивиду формы и виды поведения"²⁹, в частности, путем позитивного подкрепления общественно полезного поведения и устранения подкреплений нежелательных форм поведения.

6. Психологические и социально-психологические исследования несовершеннолетних правонарушителей – необходимое средство повышения эффективности индивидуальной

---

²⁶ См.: Ядов В.А. 1) Саморегуляция и прогнозирование социального поведения. – Л., 1979; 2) О диспозиционной регуляции социального поведения личности. – В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.

²⁷ См.: Ратинов А.Р. К ядру личности преступника. – В кн.: Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. – М., 1981.

²⁸ См.: Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению. – Известия АН Эст.ССР. т. 30. Общественные науки, 1981, № 2.

²⁹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика, с. 165.

профилактики, психолого-педагогического воздействия на подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, а также на осужденных, отбывающих наказание в ВТК. Давно назрела необходимость создания в этих целях психологической службы как ведомственной (в системе территориальных органов внутренних дел), так и межведомственной – в рамках единого, территориального Центра социальной профилактики (ЦСП), включающего специалистов разных профессий – криминологов, социологов, экономистов, демографов, психологов, наркологов, педагогов и др.

Вместе с тем, следует еще раз подчеркнуть, что психологические и социально-психологические свойства личности, являясь важным опосредующим звеном в механизме социально значимого, в том числе преступного, поведения, отнюдь не служат ни причиной преступности (или иной формы социальной патологии) как социального явления, ни даже причиной конкретного индивидуального акта, поскольку, во-первых, все личностные свойства формируются под воздействием социальных условий, в процессе социализации индивида (т.е. социально обусловлены); во-вторых, выбор конкретного поведенческого акта (принятие решения) тоже обусловлен как социально сформированными особенностями личности, так и конкретной жизненной ситуацией, ближайшим окружением и т.п., в-третьих, отсутствуют какие бы то ни было свойства личности (или межличностных отношений), специфические только для преступника (правонарушителя). И хотя "идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонификация зла, меняя свое обличье, остается одной из самых устойчивых социально-психологических категорий" (и опасных иллюзий), однако "вся наука криминология, ее теория должны сводиться к тому, чтобы в самом социальном опыте, в реальных условиях социального бытия отыскать причины преступности и реагировать на них, перестраивая эти условия, воздействуя именно таким образом на порождаемое ими преступное поведение" ³⁰.

³⁰ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика, с. 27. 164.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ПРАВЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ.

Ошеров М.С.

Изучение территориальных особенностей преступности, результативности правовых норм, специфики правоприменительной деятельности предполагает сравнение не только криминологических и иных показателей, характеризующих эффекты функционирования юридической системы общества в различных регионах, но и сопоставление социальных /экономических, психологических и т.д./ переменных, свойственных населению различных частей страны. Успех такого изучения определен, помимо правильности методологических предпосылок, еще и полнотой того набора социальных факторов, при помощи которого мы строим модели регионов. В последнее время все более осознается факт возрастания того влияния, которое оказывает общественное мнение на экономические, политические, культурные и иные процессы, протекающие в современном мире. Это особенно относится к странам социализма, где, помимо материально-технических /развитие средств массовой коммуникации, являющихся одним из условий объединения людей/, созданы и социальные предпосылки для интенсивного формирования общественного мнения и расширения круга его субъектов. Люди имеют неодинаковые мнения по актуальным социальным вопросам, "но различие их мнений объясняется различием положения, занимаемого ими в обществе, а это различное положение в обществе является продуктом организации общества", — писал К.Маркс в "Ницете философии".¹ Постоянно повышающийся уровень социальной однородности социалистического общества создает условия для сближения общественных позиций людей, и, стало быть, для совпадения мнений все большего числа лиц по поводу одних и тех же коллективно значимых проблем. Это увеличивает роль общественного мнения. В бесклассовом же обществе, не знающем внутренних социально-антагонистических противоположностей, вообще нет "никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения".²

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.4, с.80

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с.168

Не случайно на значение общественного мнения указывалось на партийных съездах двух последних десятилетий. В свете партийных директив увеличение значения общественного мнения — составная часть процесса дальнейшего совершенствования и развития демократии, всей системы социалистического самоуправления народа, которое Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев назвал одной из коренных задач внутренней политики партии.³ Предстоит и дальше совершенствовать систему обобщения наказов избирателей, заявлений и предложений граждан, изучения общественного мнения, ...⁴ — отмечается в Новой редакции Программы КПСС.

В последние годы общественное мнение приобретает и юридическое значение. Так, ст.9 Конституции СССР прямо обязывает государственные органы при принятии тех или иных политических решений учитывать общественное мнение, а ст.5 предусматривает необходимость обязательного проведения общенародных референдумов при решении тех проблем, которые могут иметь всеобщее значение.

Весьма существенна роль общественного мнения в юридической жизни. Практика показывает, что законы, которые не подкрепляются общественным мнением, противореча ему, не действенны, их эффективность невелика. Напротив, законы, принятые государством в соответствии с общественным мнением, эффективны и в гораздо более полной мере достигают тех целей, которые преследует законодатель.

Общественное мнение, его место и роль в юридической действительности — проблема, исследование которой может осуществляться только на стыке наук — прежде всего социологии и теории права. Однако попытка непосредственно сопоставить общественное мнение как социологическую категорию с правом как категорией юриспруденции показывает, что прямое их сопоставление не дает ответа на поставленные вопросы. В общественной жизни все события, явления и процессы связаны между собой не попарно и непосредственно, а как элементы единой целостной системы, взаимно обуславливающие друг друга. Но тогда в социальных науках, только отражающих жизнь общества, прямое соотнесение отдельных понятий не может оказаться продуктивным, поскольку реальная связь обществен-

³ Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986,

с.55

⁴ Материалы XXVIII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986, с.159

венных феноменов, научными категориями обозначаемых, опосредствована в действительности всем комплексом социальных явлений, процессов, событий.

Последнее заставляет нас обратиться прежде всего к социологическому понятию общественного мнения, которое как раз и отражает место этого социального явления в системе всех остальных явлений, в своей совокупности образующих общество. Дефиниции феномена "общественное мнение" в социологии политики, социологии права, в политической экономии, культурологии, в социальной психологии и т.д. будут лишь частными случаями определения, выработанного социологией.

Если сравнить друг с другом те многочисленные определения, которые имеются в философской и социологической литературе, то легко убедиться, что абсолютное их большинство так или иначе связывает общественное мнение с общественным, массовым, сознанием.⁵ При этом категория "общественное сознание" выступает первичной и поэтому ведущей по отношению к понятию общественного мнения. Последнее является своего рода модификацией общественного сознания, его состоянием. Общественное сознание – субстанция, одной из акциденций которого может быть общественное мнение.

Если общественное мнение – состояние общественного сознания, то оно проникает во все его виды и формы. Оно может выступать на всех уровнях – эмоциональном и рациональном, если речь идет о сфере бытового сознания. Оно может выступать и в сфере теории, и в сфере социальной практики. Оно может касаться правосознания, политического, нравственного, эстетического и т.п. сознаний. Оно может выражаться практически в любой форме /в форме суждений, умозаключений или эмоциональной в форме психологического отношения людей

---

⁵ См.: Уледов А.К. I/Общественное мнение советского общества. М., 1963, с.45-50; 2/Структура общественного мнения. М., 1968, с. 258; Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений: проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967, с.24,60; Ковальзон М.Я. Мирозозрение и мораль. М., 1964, с.29; Сафаров Р.А. I/Общественное мнение в системе советской демократии. М., 1982, с.3; 2/Политический статус общественного мнения. – Социологические исследования. 1979, №4, с.68.

к тем или иным событиям/. Наконец, оно может выражаться в активном поведении и в бездействии.

С учетом сказанного очевиден вывод: общественное мнение – это состояние общественного сознания в любой его форме и на любом его уровне. Такой вывод основан на том, что общественное мнение не концентрируется в каком-то одном месте поля общественного сознания и не является достоянием лишь какого-то одного его структурного элемента. Будучи свойственно всем его формам, оно может, следовательно, быть только состоянием общественного сознания в целом.

Если общественное мнение – состояние общественного сознания, то, следовательно, все те законы, которые действуют по отношению к общественному сознанию, действительны и по отношению к общественному мнению. В частности, поскольку общественное сознание – это социально обусловленный феномен, детерминированный прежде всего общественным бытием, постольку общественное мнение определено и может быть вызвано к жизни каким-то реальным, объективным фактом, имеющим общее значение. Общезначимость факта – это необходимое условие существования общественного мнения. Вот почему справедливо мнение, что "основным критерием "отбора" проблем, попадающих в сферу общественного мнения, является общественный интерес".⁶ По поводу фактов, которые не имеют публичного смысла и обладают сугубо индивидуальным значением, общественное мнение не возникает. По этому поводу может возникнуть лишь мнение отдельных индивидов.

Сказанное позволяет уточнить характеристику общественного мнения указанием на то, что оно представляет собой такое состояние общественного сознания, которое актуализировано социальным фактом. Все это дало возможность советским социологам определить общественное мнение как "состояние массового сознания, заключающее в себе отношение /скрытое или явное/ людей к событиям и фактам социальной действительности".⁷

Будучи состоянием общественного сознания, актуализированного фактами быстро меняющейся общественной действительности, общественное мнение почти всегда обнаруживает

---

⁶ Рабочая книга социолога. М., 1976, с.104-110

⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с.448

подвижность, изменчивость, известную неустойчивость. Его существование, как показывает социальная практика, возможно у любых социальных общностей, у любых коллективов и может возникать по поводу самых разнообразных фактов. И то, что люди выражают его от собственного имени, лишает общественное мнение официального характера.

Закономерности, которым подчиняется формирование общественного мнения, как и все социальные процессы, имеют статистическую, вероятностную природу. Вот почему, сохраняя статистическое единство, оно может быть по своей структуре не только единодушным, когда весь коллектив в один голос одинаково оценивает тот или иной факт общественной жизни, то или иное событие истории. Оно может быть и плюралистическим, а стало быть и внутренне противоречивым, когда в общественном мнении одного и того же коллектива вычлняются не совпадающие друг с другом части или когда один и тот же коллектив по одному и тому же поводу высказывает различные суждения. Это качество связано с тем, что общественное мнение всегда преобразует объективное содержание, придавая ему субъективную форму и выступая в форме суждений или действий отдельных людей, оно очень часто искажает действительность, становится ошибочным, основываясь не только на фактах, но и на заблуждениях, молве, слухах. При таких условиях действительных закономерностей исторического развития и глубинной истины социального бытия общественное мнение может и не отражать. С этим же качеством связано и то, что общественное мнение очень часто бывает дискуссионным.

Субъектом общественного мнения могут быть самые различные коллективы всех уровней. Им может быть советский народ в целом, что как раз и имеет место в тех случаях, когда речь идет о всенародном референдуме, рабочий класс, колхозное крестьянство или интеллигенция, население региона, /республики, области, района/, отдельный трудовой коллектив, профессиональная группа и т.д.

Характерными особенностями общественного мнения является то, что оно формируется стихийно и что управлять им прямо и непосредственно нельзя. Оно управляемо лишь косвенно, путем революционного или эволюционного, планового или стихийного изменения общественного бытия, через посредство сложного механизма массовых коммуникаций, сложного механизма воспитания человека.

Сказанное дает основание для определения общественного мнения как такого проявляющегося в суждениях и поступках состояния массового сознания, которое возникает по поводу социально значимых фактов общественной жизни и аккумулирует в себе оценки этих фактов, имеющиеся во всех формах общественного сознания. То, что в приведенном определении общественное мнение характеризуется как состояние массового сознания, означает, что оно не достигает в своем развитии теоретического уровня, оставаясь феноменом, присущим обыденному сознанию. Этим, в частности, обуславливается его "пестрота", различия общественного мнения в зависимости от особенностей его носителя, в том числе и от места его географического проживания.

Это определение является теоретической основой понимания природы общественного мнения о праве и его трактовки как категории социологии права. Исходя из него, мы, в свою очередь, можем определить общественное мнение о праве как такое выражающееся в суждениях и поступках состояние массового сознания, которое образуется по поводу фактов юридической жизни общества, аккумулируя оценки этих фактов всеми формами общественного сознания. Отсюда можно сделать вывод: феномен общественного мнения о праве вторичен, произведен от феномена общественное сознание в целом, а не только от правосознания, являющегося лишь одной из его форм.

Вместе с тем, логическая производность понятия "общественное мнение о праве" от сознания отнюдь не означает, что и само общественное мнение - чистое порождение сферы духовной жизни людей. Истоки его - факты юридической жизни общества /юридические нормы, правонарушения и преступления, акты правоприменительной деятельности и т.д./. Имея практическое значение и затрагивая интересы многих индивидов, они возбуждают общественное сознание и приводят в такое состояние, когда отдельные элементы всех его форм и видов сливаются на уровне массового сознания в относительно единое духовное отношение к этим фактам, выражаемое в соответствующих суждениях и поступках. Это и есть общественное мнение о праве.

В генезисе общественного мнения о праве могут участвовать элементы всех форм общественного сознания - экономического, политического, нравственного, религиозного и др., но это не значит, что все они должны играть одинаковую роль. Поскольку речь идет об отражении фактов юридической дейст-

вительности, есть основания предполагать, что индивид испытывает на себе влияния прежде всего правосознания. С меньшим основанием можно также предположить, что оценочные суждения о юридических явлениях, содержащиеся в других формах общественного сознания, будут воздействовать на формирование общественного мнения о праве сквозь призму правосознания или во всяком случае наряду с ним.

При этом надлежит иметь в виду и сложный характер самого правосознания, включающего в себе элементы нравственности, политическую, экономическую и другие оценки, которые также участвуют в формировании мнения о тех или иных фактах юридической жизни общества, но не сами по себе, то есть не наряду с правосознанием, а через него. Имея, например, в виду связь права и морали, Л.С.Явич пишет, что "правосознание не есть просто совокупность взглядов на право, это двуединая система представлений, оценок, убеждений, настроений и чувств, раскрывающих отношение общества и отдельных лиц, классов, социальных групп к действующему праву, к праву прошлого времени и к тому, каким оно должно быть. Правосознание как форма общественного сознания, правовая идеология и психология пронизаны нравственными ориентирами".⁸ Г.С.Остроумов идет еще дальше, не считая преувеличением признать справедливым тот факт, что на протяжении веков категория "правовое" и "моральное" рассматривались в философских и политических концепциях как "внешнее и внутреннее", как "государственное и негосударственное", как "юридическое и неюридическое". Не мене тесной, по его мнению, является и связь правосознания с политикой. "Правосознание, — отмечает Г.С.Остроумов, — это выражение политического в категориях прав и обязанностей юридического характера и в таких производных от них категориях, как законное и незаконное, правовое и неправовое и т.д. Политическое сознание предстает в правосознании как содержание в одной из своих форм".⁹

Столь тесное переплетение экономических, политических, нравственных, юридических и других оценок правовых норм, происходящее в процессе формирования общественного мнения о

---

⁸ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976, с.72

⁹ Остроумов Г.С. Правовое сознание действительности. М., 1969, с.73,65

праве, — свидетельство взаимосвязи различных форм общественного сознания, которая, в свою очередь, обусловлена органической включенностью юридических явлений в жизнь общества.

Все сказанное определяет отличия общественного мнения о праве от правосознания. В частности, и то, и другое имеет один предмет отражения — юридическую жизнь общества. Но если первое — отражение правового явления, события, факта в массовом сознании в целом, отражение, аккумулирующее влияние всех форм общественного сознания, то во втором эти же явления, события, факты отражаются преимущественно сквозь призму знаний и представлений коллективного субъекта об одном только праве. Охватывая все формы массового сознания, общественное мнение о праве вместе с тем в большинстве случаев поверхностнее правосознания, оно — чаще всего отклик на "злобу дня", эффект актуализации, возбуждения коллективного сознания фактами юридической жизни. Правосознание может давать более глубокие оценки праву, в нем выделяется не только уровень обыденных представлений людей о праве, но и уровень идеологии, которая, как известно, всегда существует лишь в теоретической форме. Общественное мнение о праве формируется, как правило, очень быстро и может так же быстро исчезнуть. Правосознание — результат длительного формирования представлений, идей, взглядов, и оно гораздо более устойчиво.

Не удлиняя список отличий общественного мнения о праве от правосознания, необходимо подчеркнуть и наличие тесной связи между ними, связи, которая проявляется, в частности, в том, что оба они могут быть предметом друг друга.

Для материалиста предмет отражения — ведущий фактор процесса формирования как индивидуального, так и общественного сознания. Отсюда понятно, почему разработка понятия "общественное мнение о праве" неотделима от правопонимания, которое весьма различно в советской юриспруденции,¹⁰ и связанной с ним трактовкой места юридических явлений в обществе, их отношения к экономическому строю, формам общественного сознания и т.д.

Если исходить из наиболее распространенной дефиниции права как совокупности норм и правил поведения, выражающих

¹⁰

См.: О понимании советского права. — Советское государство и право. 1979, №7-8

волю господствующего класса и охраняемых принудительной силой государства, ¹¹ то мы сразу же обнаруживаем в понимании роли объекта правосознания существенное противоречие положениям исторического материализма. С позиции марксистско-ленинской теории общества, категория "форма общественного сознания" парная категории "общественное бытие" подобно тому, как в диалектическом материализме категория "материя" парная категории "сознание". Объектом же правосознания, с точки зрения сторонников приведенной дефиниции, является само право, которое, как известно, к общественному бытию не относится, будучи лишь одной из идеологических форм. Потому и те, кто определяют право как совокупность изданных и обеспеченных государством норм, тоже признают факт социально-экономической обусловленности права. ¹²

Развитие советской юридической наукой общего понятия права привело к выделению в нем новых аспектов, а следовательно, и к обогащению правоотношения. В юриспруденции сегодня различают закон, то есть изданную государством юридическую норму, и право, то есть общественные отношения, упорядоченные определенным образом /например, при помощи договора или посредством государственной охраны, что имеет место, в частности, в прецедентском праве или преторском праве Древнего Рима/. ¹³ В ней наблюдается тенденция рассматривать право не только как застывшую систему норм, но и как деятельность соблюдающих, применяющих или исполняющих законы субъектов, ¹⁴ включать в понятие права не только исходящие от государства правила поведения, но и пра-

---

¹¹ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949, с.83

¹² См. напр.: Халфина Р.О. Что есть право - понятие и определение. - Советское государство и право, 1984, №11, с.22; Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в двух томах, т.1. М., 1981, с.104, 163-164

¹³ См.: Нерсисянц В.С. Право и закон. М., 1983

¹⁴ См.: Керимов Д.А. Демократизм советского государственного строительства: проблемы теории и практики. - Вопросы философии, 1984, №4, с.7

воотношения ¹⁵ и т.д. Как правильно указывают А.М. Васильев и В.Н. Кудрявцев, при таких условиях назрела потребность в идее правовой системы, которая синтезировала бы все компоненты юридической надстройки общества. ¹⁶

Соответственно обогащению правопонимания обогащается и понятие общественного мнения о праве. Оно должно рассматриваться как феномен, отражающий не только юридические нормы, оно складывается и по поводу права как совокупности определенным образом упорядоченных общественных отношений, и по поводу закона, и по поводу правосознания и т.д. Как один из компонентов юридической надстройки оно должно быть включено в правовую систему социалистического общества, все элементы которой, будучи социально обусловлены, взаимосвязаны между собой.

Из этого положения марксистско-ленинской юриспруденции следует, что общественное мнение о праве никогда не бывает отражением юридических явлений в "чистом виде", правовых фактов, существующих сами по себе. Оно формируется как оценка соответствия прав и обязанностей людей объективным функциям, которые они должны выполнять вследствие закона разделения труда, на характер действия которого влияют и территориальные особенности. Общественное мнение считает справедливым, когда общество, ставя человека на ту или иную социальную позицию и тем самым возлагая на него обязанность решать комплекс общественно значимых задач, одновременно наделяет его всеми материальными и идеологическими /в том числе и правовыми/ средствами, необходимыми для выполнения им своих функций. Если таких средств недостаточно, то, с точки зрения общественного мнения, гражданин, как правило, имеет право притязать на них. При формировании общественного мнения по поводу того или иного факта юридической жизни, коллективное сознание как бы сопоставляет правовые отношения с общественными, урегулированными нормами права, и делает выводы о справедливости или несправедливости, например, гражданско-правового отношения на основе его соответствия имущественному, государственно-правового - политическому, административно-правового - управлен-

---

¹⁵ См.: Анализ развития понятия права в работе: Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Право: развитие общего понятия. - Советское государство и право, 1985, №7

¹⁶ Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Ук. соч., с.10-13

ческому и т.д. отношению.

Как показали исследования, мерилom оценки общественным мнением факта юридической действительности является не норма права как формальное установление государства, а общие представления людей о должном, которые и выступают основой осознания того, что есть и что не есть право. В фундаменте должного, когда оно закономерно выражает объективную общественную необходимость, лежит сущее, выражающееся в том, что сами общественные отношения требуют правового закрепления и урегулирования и что их обоснованность предопределяет характер и пределы юридического воздействия на них.

Отсюда следует два важных и непреложных вывода. Во-первых, не анализируя базисные отношения, нельзя понять ни права, ни его отражения в различных формах общественного сознания. Во-вторых, классовый характер права, правосознания и общественного мнения о праве обуславливает их рассмотрение как активной силы, а не как формы пассивного воспроизводства общественной действительности.

И право, и правосознание, и общественное мнение о праве, обуславливаясь базисом общества, сами оказывают обратное воздействие на него. "Как только становится необходимым новое разделение труда, создающее профессиональных юристов, — писал Ф.Энгельс, — открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей зависимости от производства и торговли все же обладает способностью обратно воздействовать на эти области".¹⁷ Если кто-нибудь думает, что марксисты "отрицали обратное влияние политических и т.д. отражений экономического движения на само это движение, он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует ... лишь ... посмотреть "Капитал", например, отдел о рабочем дне, где показано, какое решительное действие оказывает законодательство" — писал Ф.Энгельс.¹⁸ Наряду с правом, вместе с другими формами общественного сознания регулирует поведение людей и общественное мнение о праве. В частности, способствуя усвоению индивидами определенных

---

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.37, с.417-418

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.37, с.420

ценностных отношений, они направляют их поступки в сторону официально признанных и юридически одобренных ценностей и тем самым влияют на производственные отношения, поскольку эти индивиды являются их участниками. Ведь именно деятельность участников общественного производства, направляемых правосознанием и общественным мнением о праве, составляет содержание производственных отношений.

Эта активная роль правовой формы общественных отношений, дающей исторически определенные возможности для развития сущностных сил одних людей и ставящей социальные рамки развитию других людей, углубляет значение социально-классового положения в процессе оценки юридических явлений, во многом предопределяя содержание классового, группового и индивидуального правосознания и общественно-го мнения о юридических явлениях.

Различия в положении людей в процессе материального производства определяют различные объективные и субъективные отношения классов к одной и той же правовой системе, включая несовпадение мнений социальных групп о конкретных фактах юридической действительности.

Принцип классовости, важность социального положения как фактора, в решающей степени влияющего на характер отношения к праву, в том числе на характер общественного мнения о нем, в полной мере сохраняет свое значение и при социализме. Но роль социальной структуры и связанных с её существованием общественных различий становится здесь принципиально иной. В буржуазном обществе юридическое равенство, этот краеугольный камень капиталистической системы права, есть форма существования социального неравенства, и, в конечном счете, закономерно приводит к двойному, зачастую прямо противоположному отношению к фактам юридической действительности, различным, иногда взаимоисключающим коллективным мнениям о фактах правовой жизни государства. Социалистическое общество, в котором отсутствует частная собственность, предоставляет человеку равные возможности социального продвижения, в равной степени освобождает всех от эксплуатации, обеспечивает равный доступ к фактическому использованию средств производства /право на труд/. Это означает, что юридическое равенство не вступает в противоречие с социальным /действительным/ неравенством. Напротив, впервые в истории они соответствуют друг другу.

Это создает предпосылки для того, чтобы преобладающее число людей присоединилось к общественному мнению о праве как о социальном институте, обладающем большой социальной ценностью и играющем в жизни общества важную и притом прогрессивную роль. Более того, в той мере, в какой реально имеет место совпадение действительного и социального равенства людей, возникает предпосылка и для совпадения их мнений по поводу одинаковых фактов юридической жизни. Социальная база для постепенного формирования единого мнения о справедливости основных принципов социалистического права постепенно расширяется. Эти черты социалистического общественного мнения о праве делают его важным фактором влияния на поведение людей и направляют его в сторону, соответствующую объективным законам социального развития, а потому необходимую социалистическому обществу.

Однако современное положение вещей еще не дает оснований говорить о достижении уже сегодня полного социального равенства людей. Сохранение двух различных форм социалистической собственности и социальная неоднородность общественного труда обуславливает существование в социалистическом обществе различных классов, межклассовых и внутриклассовых социальных групп. Неодинаковость положения классов и социальных групп в сфере производства, политики, культуры, быта и потребления, различия условий жизни людей в городе и деревне, в разных регионах страны и т.д. предопределяют и их неодинаковое отношение к праву, особенности правосознания и общественного мнения о юридической действительности.

Вместе с тем, предполагая, что правосознание и общественное мнение о праве советского народа обусловлены социальной структурой социалистического общества, ни в коем случае нельзя упускать из вида принципиальную общность советских людей. При всем различии социального положения классов и общественных групп в СССР все они принадлежат новой исторической общности людей — советский народ. Это делает преобладающим у каждого человека общего с другими однозначного отношения к явлениям общественной жизни, историческим событиям и процессам, предопределяет единство социалистического правосознания, схождения общественного мнения по поводу самых разнообразных фактов юридической действительности.

Отмеченная выше способность общественного мнения о праве влиять на действие юридических норм делает актуальным вопрос об управлении им. Изложенные теоретические положения сами по себе непосредственно не образуют информационной базы для целенаправленного изменения общественного мнения, но они должны стать методологической основой конкретных социологических исследований, в ходе которых может быть установлено, каково реальное отношение людей к действующему законодательству, к основным направлениям политики права, включая уголовную политику; как относятся к юридической действительности различные слои населения /в первую очередь общественные классы и социальные группы/; под влиянием каких социальных закономерностей оно формируется; под воздействием каких каналов массовых средств информации оно формируется, изменяется быстрее всего и т.д. Полученные таким образом сведения помогут органам социального управления выбрать именно те способы изменения общественного мнения о праве, которые максимально сблизят оценки населением фактов юридической действительности с их оценкой законодателем и тем самым повысят соблюдаемость юридических норм.

Территориальные различия общественного мнения сегодня изучены явно недостаточно. Значение же общественного мнения для борьбы с преступностью в полной мере еще только начинает осознаваться. Цель настоящей статьи — обратить внимание тех, кто изучает территориальные различия преступности, на значение общественного мнения, как важного фактора влияния на региональную специфику криминологической ситуации. Это в свою очередь будет способствовать решению задачи борьбы с правонарушениями и преступностью. "Необходимо сполна использовать для борьбы с этими явлениями авторитет общественного мнения и силу закона", ¹⁹ — определено в Новой редакции Программы КПСС.

¹⁹ Программа КПСС /Новая редакция/ М., Политиздат, 1986, с.54

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ЭССР

Катус К. А.

Исследование дифференциации социальных процессов является наиболее целесообразным в случае, когда знания об интересующем процессе невелики и дифференцированная в зависимости от разных признаков информация о ходе процесса может оказаться весьма ценной для определения сущностных связей данного процесса. Но изучение дифференциации социального процесса имеет смысл и тогда, когда сущность его уже в той или иной степени раскрыта. В этом случае акцент делается на исследовании сложной системы взаимовлияний разных социальных процессов, которая обуславливает различия в проявлениях сущности изучаемого процесса в конкретных условиях.

Одним из наиболее разработанных признаков, в зависимости от которых изучаются разные социальные процессы, является признак территориальной принадлежности. Территориальная дифференциация общественных явлений понятна, легко комментируется и часто воспринимается как само собой разумеющаяся. Все это создает возможность недооценки подобного рода информации для изучения как сущности, так и проявлений социальных процессов. Такое может произойти по крайней мере в двух случаях. Во-первых, тогда, когда границы территориальных единиц определены формально и, следовательно, выявленная дифференциация изучаемого социального процесса может оказаться случайной, и, во-вторых, тогда, когда группы населения — носители дифференциации изучаемого социального процесса — неравномерно распределены по территории из-за действия других закономерностей. В последнем случае вместо дифференциации по интересующему признаку невольно и часто неосознанно изучается дифференциация совсем других процессов.

Статья посвящена дифференциации демографического развития в Эстонской ССР. На эту проблему обращается мало внимания, хотя теоретическая демография обеспечивает хорошую методологическую базу для ее изучения. Учитывая это, в статье изучаются два типа демографического поведения в республике, которые рассматриваются на основе рождаемости — наиболее динамичного демографического процесса в современных условиях. Демографические группы населения — носители разного типа поведения — расселены по территории ЭССР

очень неравномерно, и в дальнейшем будет показано, что это обстоятельство необходимо учитывать при изучении дифференциации по территориальному признаку. При этом вывод коснется не только демографических, но и многих других социальных процессов, которые связаны или определены демографическим развитием.

Два типа рождаемости

В послевоенный период миграция в Эстонской ССР характеризуется значительным притоком населения. В 1951-1985 гг. число прибывших в республику превышало число выбывших на 238,1 тыс. человек. Основную долю из них составляли жители РСФСР, УССР и БССР. Сейчас в ЭССР живет три поколения этих мигрантов. Такой состав населения республики оказывает существенное влияние на ход демографических процессов.

Демографические исследования свидетельствуют о том, что в основном демографическая революция закончилась в европейской части СССР к 60-м годам /1/. В Эстонии этот процесс завершился уже в 30-х гг. /2/, т.е. примерно на 25-30 лет раньше. Соответственно, укрепление нового, т.н. современного типа воспроизводства населения, продолжается в ЭССР дольше по сравнению с теми республиками, откуда прибыла основная масса послевоенных мигрантов. Поэтому основано предположение, что демографическое поведение прибывшего населения отличается от поведения местного населения. Это обстоятельство, если оно подтвердится исследованиями, обусловит дифференциацию демографических процессов в республике. Такую дифференциацию можно назвать демографической, т.к. по существу критерием ее выделения является разновременность этапов демографического развития.

Проблемой, требующей предварительного решения, является выбор того конкретного критерия, который позволяет отличать прибывшее население от местного. Информация может быть, конечно, получена с помощью специально составленной анкеты, но этот путь более трудоемкий, а надежность результатов ниже по сравнению с использованием материалов официальной статистики. Относительно ЭССР действительно имеются критерии, который позволяет использовать материалы государственной статистики. Таким критерием является национальность.

По переписи 1934 г. доля эстонцев на нынешней территории ЭССР составляла 93,6%, к 1941 году она достигла 96,0%. Поэтому не будет ошибкой выделить местное население

по национальному признаку: его образуют люди эстонской национальности. При этом важно помнить, что демографическое изучение произошло в прошлом почти одновременно по всей территории Эстонии и в этом смысле местное население достаточно однородно /не имеет существенной территориальной дифференциации/. Представители всех остальных национальностей образуют вторую демографическую группу, для которой демографическая революция в среднем закончилась в 60-е годы. Эта группа менее однородна. Сюда включены некоторые слои населения, которые проходили демографическую революцию одновременно с населением первой демографической группы /например, латыши/, а также те, прежний регион которых характеризуется запоздалым демографическим развитием /например, Средняя Азия/. Тем не менее подавляющую часть неэстонского населения республики составляют прибывшие /и их второе и третье поколение/ из РСФСР, УССР и БССР. Их демографическое поведение также относительно однородно и они определяют поведение всей второй демографической группы населения. В силу того, что некоторые данные официальной демографической статистики обрабатываются по национальному признаку, интересующую нас дифференциацию демографического поведения населения ЭССР можно в определенной степени изучать по этим материалам.

Наиболее динамичным процессом демографического развития при современном типе воспроизводства населения является рождаемость. Для характеристики этого процесса статистические материалы дают самую надежную информацию. Поэтому приведенный ниже краткий обзор дифференциации демографического поведения населения ЭССР ограничивается данными по рождаемости, хотя дифференциация по двум указанным демографическим группам прослеживается также при рассмотрении смертности, миграции, браков и разводов.

Общий коэффициент рождаемости /ОКР/ является простейшим показателем динамики демографических процессов, происходящих в наблюдаемом регионе. Кроме того, при изучении территориальной дифференциации демографических процессов на уровне маленьких территориальных единиц более подробных показателей часто даже невозможно вычислить. Для двух демографических групп населения ЭССР динамика ОКР приведена в таблице I

Таблица I

Общие коэффициенты рождаемости двух демографических групп населения СССР, 1959-1980 гг., ‰

	I группа	II группа
1959	14,8	21,8
1960	15,0	21,0
1961	14,9	20,7
1962	14,7	19,6
1963	14,4	17,7
1964	14,5	17,6
1965	13,8	16,6
1966	13,9	15,3
1967	13,9	14,9
1968	15,0	14,7
1969	15,4	15,5
1970	15,6	16,3
1971	15,6	16,9
1972	15,0	16,8
1973	14,5	16,2
1974	14,6	16,1
1975	14,3	16,1
1976	14,5	16,3
1977	14,5	16,3
1978	14,2	16,3
1979	14,2	16,2
1980	14,3	16,3

На основе этих данных можно было бы сделать вывод о более высоком уровне рождаемости населения второй группы, т. е. за весь рассматриваемый период ОКР у этой группы выше. Тем не менее такой вывод был бы поспешным, о чем свидетельствует сравнение возрастных структур женского населения двух групп /см. рис. I/.

Очевидно, что вторая демографическая группа значительно моложе по возрастной структуре, чем первая. Естественно, в такой ситуации ОКР не годен для предпринятого анализа.

Расчет суммарного коэффициента рождаемости /см. рис. 2/ позволяет анализировать реальную тенденцию рождаемости двух демографических групп. В конце 50-х годов этот коэффициент был одинаков для обеих групп, но тренд показателя различался. К тому времени заканчивался послепереходный период минимальной рождаемости /существовал уже с 30-х годов/ для

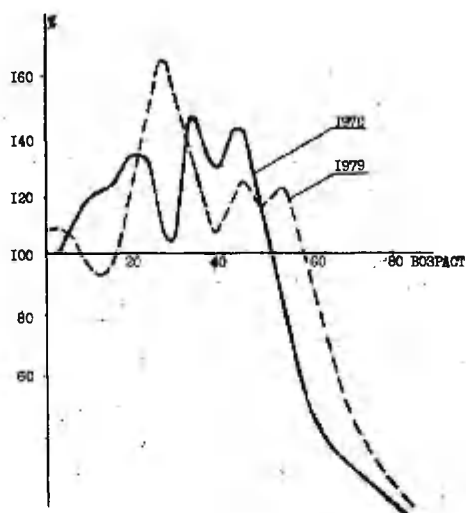

Рис. 1. Возрастные структуры населения ЭССР, соотношение двух типов демографического поведения /возрастная структура населения с демографическим поведением первого типа равна 100%/

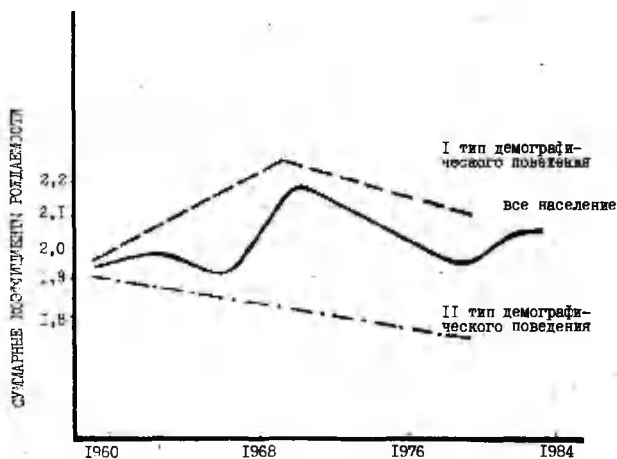

Рис. 2. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости населения ЭССР, два типа демографического поведения

первой группы населения и во второй половине 60-х годов наблюдалось заметное повышение рождаемости. Важно отметить, что в результате повышения рождаемости в этой группе превалирует уровень простого воспроизводства и, несмотря на колебания, сохраняется такой до настоящего времени. Рождаемость второй демографической группы населения продолжала снижаться до начала 80-х годов и, естественно, все время оставалась ниже уровня простого воспроизводства населения, тем самым отличаясь от рождаемости первой группы не только количественно, но и качественно.

Кроме различий по суммарным коэффициентам дифференциации рождаемости выражается и в форме кривой, приведенной на рис. 3. Вторую демографическую группу по сравнению с первой характеризует рождаемость в более молодом возрасте. Максимальные показатели особенно не различаются, а в возрастных группах 25-35 лет рождаемость первой группы уже заметно выше. За счет женщин, рождающих вторых и третьих детей, и обеспечивается качественное различие уровней рождаемости. Графики свидетельствуют о том, что отмеченные различия двух демографических групп достаточно стабильны в рассматриваемый период.

В начале 80-х годов завершался послепереходный период минимальной рождаемости также для населения второй группы. Сопутствующий подъем рождаемости совпал с колебаниями в подъеме рождаемости населения первой группы. В результате дифференциации рождаемости двух демографических групп населения ЭССР уменьшается и в перспективе ожидается дальнейшее развитие однородности. Тем не менее усиливающаяся однородность интенсивности рождаемости не преодолевает дифференциацию в общих показателях в течение примерно 1,5 - 2 поколений из-за огромных различий возрастных структур двух групп населения.

Распределение двух демографических групп населения по территории ЭССР

Первая демографическая группа количественно совпадает с населением всей республики к концу демографической революции, поэтому проблема о территориальном распределении двух демографических групп населения по республике является по существу вопросом о равномерности распределения бывшего населения. Движение этой группы населения определяется специфическими миграционными закономерностями, свойственными периоду наивысшей миграционной интенсивности.

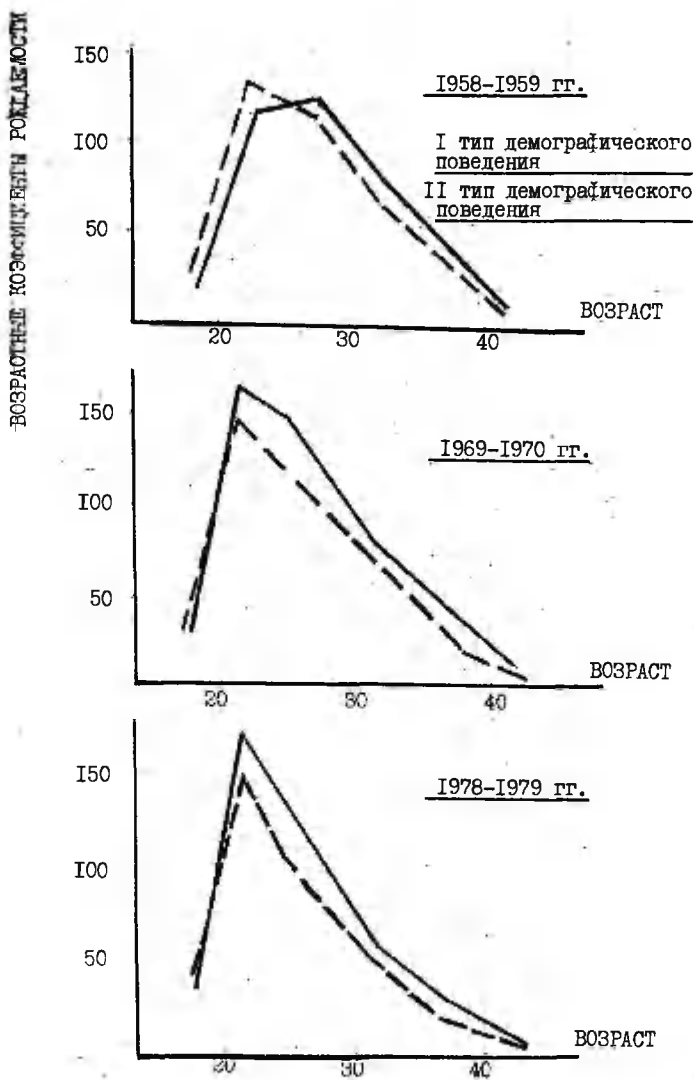

Рис. 3. Возрастные коэффициенты рождаемости населения ЭССР, два типа демографического поведения

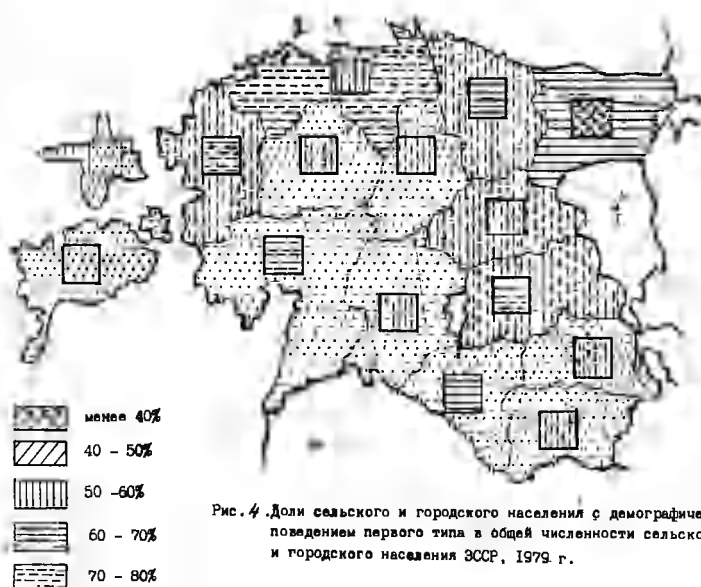

Рис. 4. Доли сельского и городского населения с демографическим поведением первого типа в общей численности сельского и городского населения СССР, 1979 г.

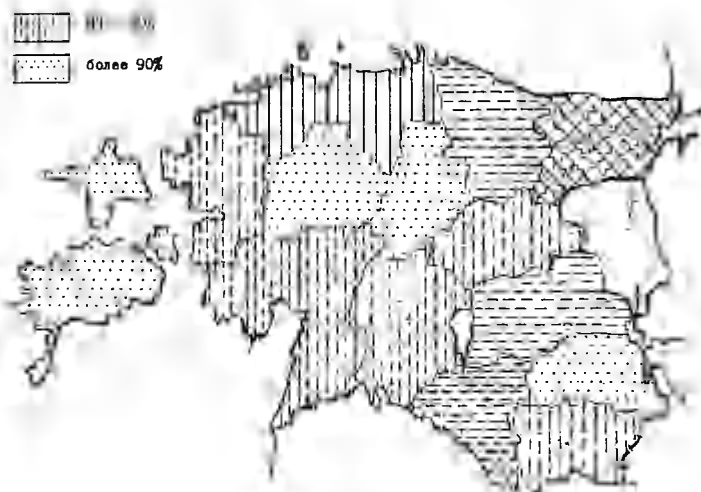

Рис. 4. Доля населения с демографическим поведением первого типа в общей численности населения СССР, 1979 г.

Эти закономерности обуславливают направление потока населения в города, особенно в большие производственные центры. Соответственно, послевоенное прибывшее население накапливается преимущественно в городах ЭССР и, естественно, в тех районах республики, где таких населенных пунктов больше. В результате распределение двух демографических групп населения с разным демографическим поведением по территории ЭССР неравномерное, о чем свидетельствует рис. 4.

Обсуждение результатов

Изучение территориальной дифференциации рождаемости в ЭССР позволило бы обнаружить определенные различия между районами. Однако, в большинстве своем эти различия связаны не с территориальностью, а с демографической дифференциацией рождаемости и неравномерностью распределения демографических групп населения. И тренд различий объясняется преимущественно процессом гомогенизации поведения двух демографических групп. Прямое изучение территориальной дифференциации в конкретном случае дезинформировало бы исследователя, полученные результаты характеризовали бы не интересующую нас географическую дифференциацию, а демографическую, причем — только косвенно, что для корректной характеристики последней явно недостаточно.

Л и т е р а т у р а :

1. Воспроизводство населения СССР.— М.: Фин. и стат., 1983
2. Катус К.А. Долгосрочные тенденции развития и управление демографической системой. Автореферат.— М.: МГУ, 1982
3. Голод С.И., Голофаст В.Б. Рецензия на книгу "Воспроизводство населения СССР" — Социол. иссл., 1984, № 3

РЕГУЛЯЦИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПРИ ПЕРЕМЕНЕ МЕСТА РАБОТЫ

Р.Нооркыйв, Я.Тамм

В последнее время принят ряд административно-правовых мер для регулирования процессов распределения и перераспределения рабочей силы. Целью является более эффективное использование трудовых ресурсов. Так, например, для предприятий установлены лимиты рабочей силы; для ввоза рабочей силы из других районов предприятию необходимо получить согласие местных органов власти; чтобы избежать перерыва в стаже работы, человек должен устроиться на новом месте работы в течение трех недель со дня увольнения; по этой же причине невыгодно менять место работы чаще чем раз в год; в некоторых районах в порядке эксперимента существенно усилено влияние бюро трудоустройства на перераспределение освобожденных кадров и т.д. Эти меры действуют недавно, поэтому давать окончательную оценку их совокупной действенности еще рано. Но пока заметного сдвига в кадровой ситуации и перераспределении рабочей силы не произошло. Можно, однако, уже утверждать, что некоторые меры, такие как установление лимитов рабочей силы и наложение ограничений на трудоустройство мигрантов не оправдали надежды, возложенные на них. У предприятий осталось достаточно возможностей для их обхода. Представляется, что при выработке и применении как названных, так и всех остальных административных мер не учитывался в достаточной мере реальный механизм распределения и перераспределения трудовой силы. В последующем попытаемся охарактеризовать основные факторы этого механизма. При этом мы опираемся на результаты работ, проведенных группой региональных исследований Таллинского пединститута в 1975-85 гг.

Перемену места работы можно рассматривать в качестве процесса социального поведения, слагающегося из ряда действий, поведенческих актов. Психологи, изучающие регуляцию социального поведения, указывают на существование определенных предрасположенностей, влияющих на это поведение /1,2/.

Таковыми предрасположенностями А.Н.Леонтьев считает личностную значимость объективных обстоятельств. К такого же рода феноменам относятся внутренняя позиция личности Л.И.Божовича, психология отношений В.Н.Месищева, энграммы П.К.Анохина, установки Д.Н.Узнадзе, диспозиции В.А.Ядова. За ру-

бежом соответствующим феноменом является аттитуд /или фиксированная социальная установка/. По существу, данные предрасположенности являются продуктами предшествующего опыта поведения субъекта и выступают как механизмы регуляции социального поведения личности, позволяющие при определенных потребностях находить оптимальные пути их удовлетворения, учитывая сходство ситуации и предшествующий опыт.

К сожалению, при исследовании перемены места работы опыт психологии в изучении предрасположенностей не применялся. Чаще всего исследователи движения рабочей силы в качестве предрасположенности к перемене работы рассматривали лишь удовлетворенность. При этом исходная позиция исследователя здесь та же, что и при введении указанных ранее более сложных способов регуляции. Удовлетворенность /или неудовлетворенность/ рассматривается как предрасположенность к перемене места работы или пребыванию на прежнем месте. Употребляется даже понятие "потенциальная текучесть", которое обозначает как недовольство настоящей работой, местом работы или предприятием, так и решение сменить место работы, которое, однако, еще не реализовалось в виде подачи заявления об увольнении или поиска новой работы. Определив уровень потенциальной текучести в коллективе и выяснив комплекс факторов, обусловивших его, социологи и промышленные психологи попытались использовать эти знания для уменьшения текучести рабочей силы и стабилизации кадров. Однако, не всегда они добивались успеха. Причина неуспеха кроется в том, что удовлетворенность недостаточно сильно коррелируется с реальным поведением. Такое явление В.А. Ядов объясняет тем, что удовлетворенность сама по себе является слишком примитивной предрасположенностью для предсказания сложного поведения. Необходимо было бы применять целостный диспозиционный анализ. Никак не опровергая приведенную точку зрения, мы укажем еще на одну возможную причину того, что неудовлетворенность и другие предрасположенности плохо связываются с переменной работы. Все они предполагают определенную степень свободы индивида, наличие альтернатив поведения. Психологическая регуляция действует лишь при возможности выбора между несколькими различными способами поведения. При отсутствии альтернатив поведение определяется совсем другими, внеличностными регуляторами. Поэтому для получения полного представления о процессе перемены работы необходимо учитывать как личностные, так

и внеличностные факторы поведения.

В дальнейшем рассмотрим среду как совокупность факторов, детерминирующих движение рабочей силы. Первой группой факторов является иерархия рабочих мест и предприятий в ареале трудовых ресурсов.

Город /точнее, всякое поселение/ вместе со своим хинтерландом и расположенными там поселениями представляет собой т.н. социально-экономический территориальный комплекс /СЭТК/. Это понятие употребляется в науке /особенно в экономической географии/ для обозначения сложной совокупности человеческой деятельности на данной территории. В каждом населенном пункте имеются разные элементы производственной и непроизводственной сферы, функционирующие в виде совокупной целостности и обеспечивающие жителей работой и удовлетворением материальных и духовных потребностей. Центральное поселение является ядром СЭТК, вокруг которого образуется ареал трудовых ресурсов. Это территория, где люди могут менять место работы, не меняя место жительства.

Места работы, имеющиеся в определенном ареале трудовых ресурсов, далеко не равноценны между собой. Одни места и должности подходят для многих, другие почти никому. Существование непопулярных мест работы обусловлено как объективными /характер и условия работы, уровень зарплаты и т.д./, так и субъективными обстоятельствами /репутация профессии, предприятия/. Относительно благоприятные места заняты коренными жителями ареала, которые уже не имеют реальных альтернатив для поиска мест еще более благоприятных в пределах данного района. Такая ситуация является причиной большей стабильности коренной рабочей силы. Пришельцы из других регионов вынуждены начинать с мест работы и предприятий, находящихся на низших ступенях иерархии; только потом они начинают постепенно подниматься по иерархической лестнице мест работы. Из этого вытекает низкая стабильность пришельцев в первые годы жизни в новом районе. Вместе с подъемом по лестнице иерархии и у них уменьшаются возможности найти место работы, еще более благоприятное.

Чем больше ареал трудовых ресурсов, чем более многообразную работу он предлагает, тем больше имеется возможностей выбора при поиске места работы. Поэтому более крупные города являются более аттрактивными, предоставляя больше возможностей выбора как в сфере предложения работы, так и в области быта, досуга, в сфере культуры и т.д.

Второй класс ограничителей — это функциональная структура города. Номенклатура имеющихся мест работы определяется структурой городского хозяйства, которое должно было бы обеспечить возможность выбора подходящей работы для всех горожан. При диспропорциях в хозяйстве города этого нельзя достичь /например, в г. Иваново структура хозяйства потребляет преимущественно женский труд и подходящей для мужчин работы значительно меньше/. В случае ориентации хозяйства города на одну отрасль или одно предприятие образуется монофункциональный город /например, г. Нарва, г. Синди/, где возможности выбора места работы меньше, чем в полифункциональных городах /например, в г. Пярну/.

Третьей группой ограничителей выступает степень унифицированности, стандартизированности среды, т.е. многообразие ее. Тенденция к единообразию является неизбежной спутницей технико-экономического развития, но вместе с ней уменьшаются и возможности выбора для человека. Типовые дома, городские районы, предприятия, места работы уменьшают свободу выбора и обедняют среду. С этой точки зрения в более выгодном положении находятся предприятия, имеющие более широкий профиль производства, т.к. они представляют больше возможности для перемены работы внутри предприятия. В итоге это означает, что естественное стремление человека к получению более благоприятного для себя места работы может объективно реализоваться лишь в пределах очень ограниченного числа освободившихся более престижных и в то же время доступных для него рабочих мест в данном ареале.

Результаты исследований, проведенных группой, дают основание для утверждения, что в 2/3 случаев перемена места работы /или сохранение прежнего места/ является, по существу, вынужденным актом, т.к. альтернативных возможностей выбора нет. Только в 1/3 случаев можно говорить о существовании разумных альтернатив и относительно свободного выбора.

Вышесказанное свидетельствует о том, что выбор и перемена места работы, т.е. распределение и перераспределение рабочей силы детерминированы не столько внутривличностными ценностями, желаниями, сколько внешними факторами, наиболее существенной из которых является организованность среды. В ареале трудовых ресурсов как частично открытой и не окончательно уравновешенной системы происходит постоянное движение людей между учреждениями, предприятиями и организациями. Все предприятия, находящиеся в определенном ареале трудовых

ресурсов потребляют общую рабочую силу. При неуравновешенности трудового баланса, когда количество рабочих мест превышает количество трудоспособного контингента, неизбежно возникает дефицит кадров и кадровая конкуренция между предприятиями. Так как каждая хозяйственная организация обладает своей определенной конкурентоспособностью в кадровой области, уровень которой характеризуется ее способностью обеспечить себя необходимым количеством работников, имеющих требуемую квалификацию, то это создает иерархию престижности предприятий на рынке труда. В зависимости от конкурентоспособности каждое предприятие имеет свои источники кадров и свои возможности приобрести рабочую силу и стабилизировать ее. С одной стороны, это зависит от условий, сложившихся внутри предприятия /зарплата, характер работы, условия труда, психоклимат в коллективе и др./, с другой – от мер, принимаемых в кадровой области соседними предприятиями. Так как люди ищут места работы, с условиями труда лучшими, нежели те, на которых они находятся, то в более выгодном положении оказываются такие предприятия, которые способны лучше удовлетворить трудовые запросы людей. В условиях недостаточности рабочей силы возникает ситуация, когда одни организации могут свободно выбирать себе кадры, а другие страдают от постоянной нехватки работников. Чем больше несоответствие между количеством рабочих мест и трудовой силы, тем острее проявляется кадровая конкуренция. Для описания данной проблемы можно выделить пять уровней в иерархии кадровой конкурентоспособности хозяйственных организаций.

Приведем краткое описание типичной кадровой ситуации на предприятиях каждого уровня и перечислим наиболее характерные факторы формирования данного уровня конкурентоспособности. Следует отметить, что конкурентоспособность выражает отношение предприятия к определенной конкретной среде и поэтому в различных ареалах одни и те же факторы могут влиять на образование конкурентоспособности различно. Вопрос региональной изменчивости механизма образования конкурентоспособности рассматривается позже.

1. "Аутсайдеры" – организации, страдающие хроническим дефицитом кадров. Это выражается в наличии постоянной массовой незанятости рабочих мест, что обусловлено низким престижем предлагаемой работы /физически тяжелая работа, работа во вредных для здоровья условиях, работа на улице и т.д./ и неспособностью предприятия улучшить условия труда. Так как

предлагаемые предприятиями-аутсайдерами рабочие места являются непопулярными среди населения, то их позиция в условиях кадровой конкуренции оказывается слабой. Решение кадровой проблемы они видят прежде всего в привлечении рабочей силы из-за пределов местного ареала трудовых ресурсов. Для этого они добиваются от вышестоящих органов необходимых правовых и ресурсных предпосылок /разрешение на прописку, места в общежитиях и т.д./. Таким образом, образование контингента рабочей силы на предприятиях подобного типа полностью зависит от источников и интенсивности миграции.

2. "Паразиты" - небольшая группа предприятий, во многом сходных по своей кадровой политике с предприятиями-"аутсайдерами". Разница между ними заключается в том, что они опираются не непосредственно на мигрантов, а на контингент, недавно живущий в данном ареале. Таким образом, источником их кадров являются прежде всего те работники "аутсайдеров", которые удовлетворили свои первичные потребности и теперь могут искать работу, мотивируясь потребностями другого порядка. Как правило, здесь созданы специфические льготы и блага, которые высоко ценятся людьми, недавно поселившимися в городе /надежды на квартиру, устойчивость труда и зарплаты и т.д./.

3. "Слабые" - это предприятия, которых характеризуют кадровая нестабильность и малая известность среди населения. На фоне общего комплектования кадрами периодически наблюдается кадровый дефицит. Основной проблемой является низкое качество рабочей силы, которое часто проявляется в неумении, неспособности и нежелании людей работать. В трудовом коллективе много т.н. "летунов". При устройстве на работу на предприятии часто наблюдается изменение специальности и должности. Однако контингент, на который опираются "слабые" в своей кадровой политике значительно шире того, что имеется у предприятий из предыдущих групп. Этим предприятиям свойственно достаточно быстрое реагирование на структурные и социально-экономические перемены в ареале /например, создание новых рабочих мест, изменение условий хозяйствования и др./. Они могут рассматриваться в качестве буферных зон, которые создают предпосылки для выбора.

4. "Средние" - самая многочисленная группа предприятий, ориентированная на очень разные категории работников, чаще всего местных жителей. Часто они являются мелкими предприятиями, приспособившимися к социально-экономическим условиям

в данном СЭТК. На нехватку кадров не жалуются, но от хорошего работника не отказываются. Их козырями являются гибкое устройство работ, стабильный производственный ритм, сильные неформальные связи между членами коллектива, хорошая территориальная доступность. По сравнению с предыдущими классами предприятий на важном месте стоит профессиональная подготовка работников. Как правило, на работу устраиваются по своей специальности.

5. "Флагманы" - престижные, хорошо известные предприятия, которые имеют возможность выбирать себе рабочую силу. Образно говоря, за их воротами постоянно стоит невидимая очередь желающих здесь работать. Они имеют развитую социальную инфраструктуру, кадры характеризуются относительной стабильностью, освободившиеся рабочие места заполняются по необходимости. Характерны высокая квалификация и большой трудовой опыт кадров.

В итоге можно сказать, что описанные типы предприятий взаимосвязаны между собой и переориентация того или иного из них на новый контингент рабочей силы может в конечном счете повлиять на общий трудовой баланс ареала. Чем меньше ареал трудовых ресурсов, тем более непосредственно связаны предприятия посредством рабочей силы и тем легче нарушить баланс. Так, изменение своих кадровых источников одного предприятия может привести к необходимости переориентации и других.

Результаты нашего исследования показывают, что распределение и перераспределение рабочей силы происходит в соответствии с иерархией конкурентоспособности предприятий, входящих в конкретное сочетание. Кадровую конкуренцию следует считать основным детерминантом распределения и перераспределения кадров.

В дальнейшем рассматривается вопрос региональных особенностей взаимодействия факторов, влияющих на образование уровня конкурентоспособности. При помощи экспертов были установлены ранжировки предприятий по их конкурентоспособности в четырех ареалах - в городах Таллине, Тарту, Пярну и Валга. Затем путем корреляционного анализа были установлены параметры, наиболее сильно связанные с уровнем конкурентоспособности. Оказалось, что процесс образования конкурентоспособности обладает сильной региональной спецификой. Так, например, в г. Таллине наличие социальной инфраструктуры внутри предприятия не играет существенной роли в повышении

конкурентоспособности предприятия, но в г. Валга этот фактор оказался одним из наиболее влиятельных. Поэтому можно утверждать, что каждый регион и каждое предприятие региона нуждается в своей кадровой политике. Меры, которые оказываются успешными в улучшении кадровой ситуации в г. Пярну не обязательно эффективны в г. Валга и наоборот. В то же время можно выделить и такие факторы, которые применимы к большинству регионов. Такими оказались три из рассмотренных нами факторов : возможности экономического маневрирования, уровень зарплаты и уровень развития инфраструктуры внутри предприятия. Так как способность влияния на конкурентоспособность двух последних факторов достаточно очевиден, то подробнее рассмотрим здесь механизм влияния экономического маневрирования, тем более, что именно этот фактор оказал наибольшее влияние на конкурентоспособность во всех регионах. Под возможностями экономического маневрирования понимаются средства, имеющиеся в распоряжении предприятия для выполнения плановых задач по выпуску валовой продукции, по производительности труда и для обеспечения постоянного прироста этих показателей. С этой точки зрения не все предприятия оказываются в равных условиях. Некоторые из них /например, ряд всесовзных предприятий/ должны выпускать строго определенную продукцию из определенных материалов при постоянных ценах. Экономического успеха при таких условиях можно добиться, либо более интенсивной работой, либо внедрением новой техники и технологии. В распоряжении некоторых предприятий имеются существенные дополнительные возможности /многие предприятия легкой и местной промышленности/. Прирост производительности труда и валовой продукции может быть достигнут также использованием более дорогих материалов, производством экономически выгодных товаров, кооперацией с другими предприятиями, активным участием в ценообразовании и т.д. Другими словами, имеются возможности добиться экономического успеха без существенных изменений в интенсивности труда и технологии. Это, в свою очередь, означает, что предприятия, выбравшие подобный путь достижения экономического успеха, могут платить довольно высокую зарплату за не слишком интенсивную работу. Естественно, работа на таких предприятиях высоко оценивается на рынке труда. Вдобавок к сказанному следует отметить, что на базе производственно - экономических показателей предприятия образуются различные фонды, за счет которых возможно премировать работников, раз-

вивать бытовую сферу, проводить мероприятия в нерабочее время. Это тоже повышает конкурентоспособность экономически успешных предприятий.

В ситуации дефицита ресурсов /в том числе и рабочей силы/ предприятия стараются обеспечить себе их запасы. Это относится и к трудовым ресурсам. Для предприятия выгоднее иметь определенную резервную армию работников на своей территории, чем за ее пределами. Ныне действующий хозяйственный механизм генерирует на предприятиях хозяйственную стратегию одного определенного типа, которая характеризуется стремлением сохранять существующее число работников /не обращая внимания на действительные потребности в них/ и поддерживать минимальные темпы прироста как продукции, так и производительности труда /сохраняя резервы/. В такой ситуации выигрывают такие предприятия, которые имеют больше возможностей экономического маневрирования - варьирования продукции, материалов, образования цен - в конечном итоге, "производить" экономические показатели.

Мы рассмотрели некоторые аспекты механизма, определяющего процессы распределения и перераспределения рабочей силы в ареале трудовых ресурсов.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть следующие моменты:

1. Движение рабочей силы - не случайный процесс. Оно подчиняется определенным закономерностям. Чтобы управлять этим процессом, необходимо знать эти закономерности и механизм их действия.

2. В ситуации, когда количество рабочих мест превышает количество наличной рабочей силы необходимо возникает конкуренция между предприятиями и учреждениями, потребляющими общие трудовые ресурсы. Эта конкуренция и определяет распределение и перераспределение рабочей силы в данном ареале. Уровень кадровой конкурентоспособности предприятия определяется прежде всего возможностью добиться выполнения плановых показателей путем экономического маневрирования.

В таких условиях происходит неизбежное перераспределение трудовых ресурсов в пользу тех предприятий, которые по тем или иным объективным, но в принципе случайным обстоятельствам, обладают большими возможностями экономического маневрирования. В то же время эти возможности ни-

как не связаны с реальным трудовым вкладом предприятий в создание общественного богатства, хотя именно это должно быть основанием оптимальной с точки зрения всего общества иерархии предприятий по кадровой конкурентоспособности. Поэтому в интересах рационального, с точки зрения общества, использования рабочей силы необходимо, на наш взгляд, существенно изменить настоящий экономический порядок. Нельзя добиться решительного прогресса, ограничиваясь лишь регулированием движения самой рабочей силы.

3. Изменения в экономическом механизме должны касаться, с одной стороны, вопросов номенклатуры рабочих мест и оплаты труда. Рациональное использование трудовых ресурсов может возникать лишь тогда, когда предприятие заинтересовано в выпуске планируемых объемом продукции, используя минимальное количество работников, оплачивая их труд соответственно их действительному трудовому вкладу. С другой стороны, необходимо создать положение, при котором экономического успеха добивались бы лишь те предприятия, которые выпускают продукцию, имеющую спрос, как можно более высокое качество и низкую себестоимость. Другими словами, как работники, так и предприятия должны быть стимулированы по их действительному трудовому вкладу.

4. Принятые до сих пор административно-правовые акты, которые направлены на регулирование распределения и перераспределения рабочей силы не влияют на факторы, действительно формирующие эти процессы. Скорее они касаются результатов этих процессов. Поэтому нет основания надеяться на то, что они привнесут коренные изменения в существующую ситуацию.

5. В более общем плане нам хочется обратить внимание на необходимость учета /при выработке и применении всех административно-правовых мер/ действительной природы тех социальных процессов, на изменение или регулирование которых эти меры нацелены. Необходимо исходить из знаний о механизмах регуляции человеческого поведения и свойствах социальных процессов и явлений, чтобы оказалось возможным влиять на причины управляемых процессов. Законы и постановления, которые не соблюдаются или которые не могут достичь своей цели, являются по своему характеру компромиссными.

Л и т е р а т у р а :

1. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975
2. Бозрикова Л.В., Семенов А.А. Аттитуды и поведение. Реферативный обзор /по материалам американской литературы/. Общественные науки за рубежом. Философия и социология. М., 1973

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СПИРИДОНОВ Л.И. Социальные противоречия и антиобщественные проявления.....	3
РАСКА Э.Э. Преступность как показатель состояния социального пространства /К вопросу об обосновании территориального подхода к изучению преступности/....	18
СООТС А. Сравнительное исследование структуры преступности по регионам Эстонской ССР.....	30
ТАРВЕЛ Ю. К вопросу об изучении объективных предпосылок преступности /территориальный аспект/.....	43
ГИНТЕР Я. О возможностях изменения количественных и качественных свойств преступности при изучении территориальных различий ее социальных условий.....	58
ГИЛИНСКИЙ Я.И., ЦЕДИЛИНА Г.Я. Социальные и социально-психологические аспекты правонарушения несовершеннолетних.....	64
ОШЕРОВ М.С. Особенности формирования общественного мнения о праве при социализме.....	76
КАТУС К. А. Демографическая дифференциация рождаемости в ЭССР.....	90
НООРКЫЙВ Р., ТАММ Я. Регуляция и саморегуляция при перемене места работы.....	99

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 761.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ.

Территориальные различия в социальных условиях
преступности.

Труды по криминологии.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.

Ответственный редактор Э. Раска.

Корректор Ю. Штрымпл.

Подписано к печати 2.03.1987.

МВ 01374.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 6,68. Печатных листов 7,0.

Заказ № 240.

Цена 1 руб.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.